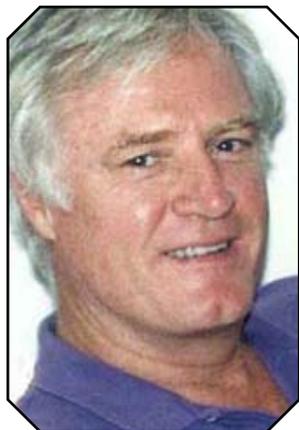

А. В. Джонсон, Т. Эрл

Эволюция человеческих обществ: от добывающей общины к аграрному государству¹

ДЖОНСОН Аллен В. (Johnson, Allen W.) — почётный профессор факультета антропологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Адрес: США, штат Калифорния, 90095-1553, г. Лос-Анджелес.

Email: ajohnson@ucla.edu

Действительно ли увеличение населения является прямым следствием улучшения условий жизни? Как развиваются и вместе с тем усложняются человеческие сообщества? Поиску ответов на эти вопросы посвящена книга «Эволюция человеческих обществ: от добывающей общины к аграрному государству». Авторы ставят перед собой амбициозную исследовательскую задачу — сформулировать единую теорию эволюции и с её помощью объяснить многообразие современных обществ. Опираясь на археологические свидетельства о доисторических временах вкупе с этнографическим материалом, в том числе собранным и ими самими, Т. Эрл и А. Джонсон подробно анализируют 19 кейсов, представляющих разные регионы и эпохи. В основе социокультурной эволюции общества лежат рост населения и сопряжённые с этим экономические и социальные изменения. С точки зрения авторов, развитие обществ можно объяснить через три переплетающихся эволюционных процесса: интенсификацию жизнеобеспечения, политическую интеграцию и социальное расслоение.

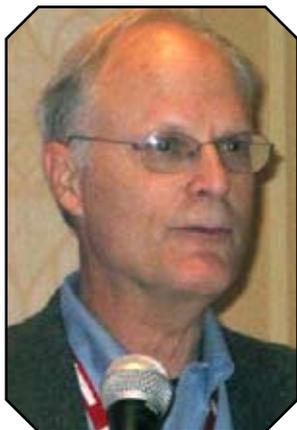
Журнал «Экономическая социология» публикует введение из книги «Эволюция человеческих обществ: от добывающей общины к аграрному государству». В этом отрывке авторы критически пересматривают существующие в антропологии подходы к объяснению эволюции общества, реконструируя логику и ограничения двух доминирующих подходов: однолинейного эволюционизма и культурного релятивизма. Далее авторы разбирают уравнение Судного дня и пытаются объяснить, почему за короткие по меркам истории сроки произошло резкое увеличение численности населения. В соответствии с материалистическим, экологическим подходом Т. Эрл и А. Джонсон обосновывают, почему истоки развития обществ связаны с социальной и политической организацией экономики.

Ключевые слова: археология; антропология; социокультурная эволюция; системно-теоретический подход; рост численности населения; технологическое развитие; экономическая мотивация.

1. Введение

Цель этой книги — описать и объяснить эволюцию человеческих обществ. Одни общества малочисленны и неустойчивы, размеры других больше, а структура — отчётливее; остальные располагаются между этими крайностями. Центральный вопрос антропологии — как осмыслить разнообразие

¹ *Источник:* Джонсон А. В., Эрл Т. (готовится к изданию) *Эволюция человеческих обществ: от добывающей общины к аграрному государству*. М.: Изд-во Института Гайдара. Перев. с англ.: Johnson A. W., Earle T. 2000. *The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State*. 2nd edn. Stanford: Stanford University Press.

ЭРЛ Тимоти (Earle, Timothy) — почётный профессор антропологии факультета антропологии Северо-Западного университета. Адрес: США, штат Иллинойс, 60208, г. Эванстон, Хинман-авеню, 1810.

Email: tke299@northwestern.edu

Перевод с английского
И. В. Кузнецова и
Е. Веремеевой

Научн. ред. —
О. Маслова-Вальтер и
М. Маяцкий

Публикуется с разрешения
Издательства Института
им. Е. Т. Гайдара.

человеческих обществ в пространстве и во времени. Можно ли объяснить исторические процессы социальной эволюции человека? В некотором смысле каждое общество уникально и является продуктом собственной истории в особой окружающей среде, располагает своими, присущими только ему технологиями, экономиками и культурными ценностями. И поныне культурный релятивизм — попытка антропологии признавать и уважать всякую культурную целостность — вынужден сосуществовать в динамической напряжённости со стремлением определить и объяснить кросс-культурные паттерны² в развитии и деятельности человеческих обществ.

Наше внимание привлекают выяснение причин, описание механизмов и паттернов социальной эволюции, которую, несмотря на множественность её путей, можно объяснить в терминах ясной теории. Один из нас, авторов этой книги, этнограф, а другой — археолог³. Мы читаем лекции по кросс-культурным экономикам и одновременно являемся антропологами, проводящими полевые исследования, и мы обратились к теоретическим ориентирам, которые могли бы помочь понять как долговременные доисторические⁴ культурные последовательности, доступные сегодня, так и многообразие современных обществ.

Койсанские⁵ добытчики на юге Африки получают достаточное количество пищи, работая всего лишь несколько часов в день. Являются ли они «изначально богатым обществом»? Яномамо⁶ Южной Америки сражаются друг с другом с особой жестокостью. Является ли это выражением необузданной врождённой человеческой агрессивности? В поразительном феномене

² В оригинале *pattern* — излюбленный в англо-американской антропологии (как и в социологии и психологии) термин, означающий примерно то же, что и рус. *(прото)тип* или *модель*. В новейшей российской науке термин «паттерн» также используется, но пока ограниченно. В ряде случаев мы тоже следуем этой практике, в других же используем привычные русские аналоги. — *Зд. и далее примеч. науч. ред.*

³ В англо-американской антропологии археология и этнология традиционно рассматриваются как субдисциплины единой антропологической науки, куда также включают ещё физическую (биологическую) антропологию и реже так называемую антропологическую лингвистику, что, в частности, закреплено институционально: все эти дисциплины, как правило, объединяются в университетах в рамках единых департаментов антропологии.

⁴ Для западной антропологии типично разделение (культурного) времени на *prehistoric* — доисторическое, понимаемое как дописьменное, реже — как догосударственное, которое изучают средствами археологии, и *historic* — историческое или иногда *modern* — современное, которое в зависимости от того, с какими обществами мы имеем дело, изучают либо (культурные и (или) социальные) антропологи или этнографы, либо историки.

⁵ Многочисленные мелкие группы (кунг, хомани и др.), лингвистически относящиеся к койсанской семье, точнее, к филе (суперсемье). Проживают на территории ЮАР, Свазиленда, Лесото, Намибии, Ботсваны, Анголы, Мозамбика и Зимбабве. В колониальное время их называли с пейоративным оттенком бушменами (англ. *bushmen* — кустарниковые, живущие в кустарниках, люди). Сейчас для их обозначения выработаны нейтральные названия: сан (ЮАР), басарва (Ботсвана) и др. О группе кунг подробно см. в разделе 3.

⁶ Группа коренных американцев на границе Бразилии и Венесуэлы; раньше их по языку относили к суперсемье макро-чибча, теперь считают представителями самостоятельной яномамской языковой семьи. О них подробно см. в разделе 6.

североамериканского потлача⁷, как и в меланезийском обычае кула (*kula ring*)⁸, «знаменитые люди» публично соперничают за достижение престижа, но за чужой счёт. Это что — человеческая жажда славы в её примитивном проявлении? В постановке таких компаративных вопросов одинаково заинтересованы и антрополог, и экономист, и географ, и историк, и политолог, и социолог, поскольку вопросы эти относятся к человеческой природе в целом, к общему наследию человечества как вида и его проявлениям в разнообразной окружающей среде и под влиянием разнообразных культурных традиций. В этой книге мы предлагаем системно-теоретический подход, чтобы ответить на эти и подобные вопросы в широкой, кросс-культурной системе координат.

Наша теория уделяет особое внимание причинам и следствиям роста населения. Его роль горячо оспаривается, но, несмотря на это, мы увидим, что рост населения занимает центральное место в процессе социокультурной эволюции в силу своего очевидного воздействия на удовлетворение людьми собственных основных потребностей (*basic needs*)⁹. В любой окружающей среде из-за роста населения возникают проблемы в технологии, социальной организации производства и политическом регулировании, и проблемы эти необходимо решать. Мы хотим показать, каким образом их решение вызывает изменения, известные нам как социокультурная эволюция.

Построение теории социокультурной эволюции

Существует социокультурная эволюция или нет, больше не является вопросом. Работа, проделанная археологами на всех континентах, документально подтверждает изменения, прослеживаемые от ранних малочисленных до более поздних сложных обществ. Хотя у каждого общества в отдельности и нет внутренней необходимости развиваться способом, описанным здесь нами, три переплетающихся между собой эволюционных процесса — интенсификация жизнеобеспечения¹⁰, политическая интеграция и социальное расслоение — то и дело наблюдаются в случаях, исторически не связанных друг с другом. Добытчики развиваются и осваивают земледелие; деревни образуются и интегрируются в региональные политии¹¹; лидеры начинают доминировать и трансформируют социальные отношения. Как вышло, что эта модель стала общей и получила широкое распространение?

⁷ Обмен в так называемой престижной экономике — один из самых известных институтов, ставший даже хрестоматийным, благодаря исследованиям Ф. Боаса и его учеников. Распространён у нескольких коренных народов Америки, живущих вдоль северо-западного побережья Северной Америки. Подробнее см. в разделе 8.

⁸ Круговой дарообмен между жителями архипелага Тробриан и соседними островами в Меланезии, имеющий характер замкнутого цикла, поэтому в англ. варианте *Kula ring*. — кольцо (правильнее — цепочка) кула. Классическое описание принадлежит Б. Малиновскому [2004], а интерпретация — М. Моссу [1996]. Кула и островам Тробриан будет посвящен раздел 10 этой книги. Под Меланезией (*греч. melas и nêsos* — чёрный остров) в отличие от соседних Микронезии (*mikros и nêsos* — мелкий остров) и Полинезии (*polus и nêsos* — много островов) понимается район в Тихом океане к северо-востоку от Австралии, населенный темнокожими людьми. Меланезийцы не являются единой общностью ни в языковом, ни в политическом отношении. В настоящее время там расположены такие государства и территории, как Фиджи, Вануату, Соломоновы Острова и Новая Каледония (заморская территория Франции).

⁹ В оригинале *meet their basic needs*. Авторы используют ключевое понятие, заимствованное у Б. Малиновского, классика антропологии и представителя так называемой Британской школы функционализма. Этот исследователь противопоставлял основным потребностям (пища и др.) вторичные (*secondary needs*), порождённые самим обществом в ходе собственного развития. Весь последующий пассаж выдержан в духе рассуждений Малиновского, что симптоматично, поскольку он, как известно, являлся ярким антиэволюционистом.

¹⁰ В тексте оригинала просто *subsistence intensification*. В 1970-е гг. группа советских этнографов (С. А. Арутюнов, Ю. И. Мкртумян и др.) приняла концепт *subsistence* — средства к существованию, своим происхождением также обязанный функционализму, затем нашедший свое место во взглядах Дж. Стюарда (см. далее), а потому давно обычный для западной антропологии. С этой поры у нас стали говорить о культуре (*системе*) жизнеобеспечения.

¹¹ Имеются в виду *regional polities* (букв.: политии, как у Аристотеля). До недавнего времени в отечественной науке явление у человеческих сообществ политических отношений жёстко увязывалось с переходом их на классовую ступень развития (в советском марксистском, то есть гиперэволюционистском, понимании). В отношении доклассовых обществ употреблялись нейтральные: *потестарность, потестарные отношения* и проч.

Прогресс

Со временем было предложено множество ответов на поставленный вопрос, каждый из которых, в свою очередь, поднимал новые вопросы в череде дебатов, продолжающихся и по сей день. В XIX веке социальные эволюционисты склонялись к оптимистической точке зрения, согласно которой человеческие общества развиваются от низшего состояния к высшему. Стадиальная схема у Моргана¹² [Morgan 1877; Морган 1934] — от «дикости» через «варварство» к «цивилизации» — описывала усовершенствования во всех аспектах жизни, от технологии до морали. Мэну¹³ [Maine 1870; Мэн 1884] виделся новый общественный закон («договор»), освобождавший личность от тирании родственности и звания («статуса»). Даже Энгельс [Engels 1972 (1884)]¹⁴, который вместе с Марксом сконцентрировал своё внимание на эксплуатации и страданиях промышленных рабочих, верил, что историю приводил в движение необузданный рост человеческого превосходства над природой, обеспечиваемый усовершенствованиями в науке и технологии.

Для антропологов проблема заключается в том, что предложенные социальные теории имплицитно опираются на концепт прогресса, привязанный к культуре, что история на поверку оказывается последовательностью изменений, которые с неизбежностью происходят в образе жизни и ценностях интеллектуальных элит Европы и Евроамерики. Эта глубокая этноцентристская убежденность, доходящая до своего рода веры, содержала два компонента, которые попадали — порознь — под огонь критики в очень разные периоды истории эволюционистской мысли. Первым компонентом был расовый предрассудок. Согласно ему прогресс в науке, технологии, праве, а в действительности в знании и морали в целом, по существу, увязывался с расой: низшим расам можно было и не стремиться к высшим уровням развития, потому что они считались просто неспособными на это. Вторым компонентом была природа самого прогресса, вопрос о том, кто (если кто-нибудь вообще) может извлечь выгоду от изменений, которые мы называем социокультурной эволюцией.

Релятивизм

Что касается первого компонента, то увязка между расой и прогрессом попала под сокрушительную критику Боаса¹⁵ [Boas 1949 (1920); Боас 1976], который превратил разведение связи расы и

¹² Льюис Генри Морган (1818–1881) — адвокат; окончил Юнион-колледж в Скенектади, штат Нью-Йорк (1840). В американской науке один из первых антропологов-самоучек; изучал ирокезов штата Нью-Йорк; совершил несколько полевых выездов в Канзас, Небраску и Скалистые горы. Ранний эволюционист, который долгое время рассматривался отечественными этнографами как наиболее близкий к марксизму западный автор, в том числе потому, что его труд (см.: [Морган 1934]) высоко ценился самим Марксом. Свою широко известную стадиальную схему, о которой упоминают авторы данной книги, по всей видимости, заимствовал у шотландского этического философа А. Фергюсона или у кого-то из его последователей. Интересно, что А. Джонсон и Т. Эрл начинают свой обзор теорий эволюционизма именно с Моргана, не упоминая при этом о британце Э. Б. Тайлоре.

¹³ Генри Джеймс Самнер Мэн (1822–1888) — английский юрист и историк права; окончил Кембриджский университет (1840); некоторое время жил в Индии; преподавал в Кембридже и Оксфорде. Часто фигурирует в списках отцов-основателей британской антропологии (наряду с Э. Б. Тайлором и др.). Русскому читателю известен мало, что связано в основном с его особенным, отличным от советского мэйнстрима, взглядом на волновавшую эволюционистов-пионеров проблему первоначальной линейности родства (определение происхождения по мужской или женской линии). В частности Мэн, исходя из истории римского права, без обиняков считал, что первичны не матрилинейность (*лат. mater* — мать, *linea* — линия), а патрилинейность (*лат. pater* — отец, *linea* — линия) и вообще патриархат. Смысл виртуозно изложенного здесь в одной фразе учения Мэна о прогрессе требует пояснения: Мэн действительно полагал, что «движение развивающихся обществ было движением от *статуса* к *договору*», то есть к индивидуальному освобождению от всякого рода наследственных обязательств через упорядочение прав.

¹⁴ Имеется в виду классическая и много раз переиздававшаяся на русском языке работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [Маркс, Энгельс 1961, соч., т. 21], которую советские этнографы считали чуть ли не своим манифестом.

¹⁵ Франц Ури Боас (1858–1942) — «героический ментор» [Борофски 1995] американской и мировой антропологии, с именем которого связывают начало университетской подготовки и профессиональных полевых исследований в этой науке. Выходец из Германии, окончил Кильский университет (1881); учился также в Гейдельбергском и Боннском университетах. После переезда в Америку работал в Университете Кларка, Американском музее естественной истории и

культуры в центральное положение американской антропологии, как она ему виделась. Индивиды, говорил он, приобретают культурные черты сообществ, в которых они воспитываются, несмотря на своё расовое происхождение. Бескомпромиссно преданные культурному релятивизму, Боас и его знаменитые ученики — Роберт Лоуи, Альфред Крёбер, Рут Бенедикт и Маргарет Мид¹⁶ — отвергли культурный эволюционизм. Каждая культура уникальна и равноценна. Если она и изменяется, то осуществляет это только собственным уникальным способом, и нет сколь-нибудь заметной общей для всех восходящей траектории. Боасовская атака оказалась весьма убедительной отчасти потому, что увязывалась с новыми, более высокими стандартами этнографического полевого исследования и сбора данных. И в результате первое поколение американских антропологов потопило, и надолго, идеи прогресса и социокультурной эволюции.

Однако подобно многим другим «решениям» трудных теоретических вопросов, боасовская критика зашла слишком далеко: правильно отделив вопрос расы от вопросов равенства, она неоправданно отрицала существование всякой социальной эволюции. Скептицизм относительно ошибок XIX века и полученных тогда же данных вылился в нападки на поиски паттернов в социальной жизни человека в целом и во всеохватывающее недоверие ко всяким объяснениям таких паттернов. Следуя за боасовским партикуляризмом¹⁷, многие антропологи просто не ищут какого бы то ни было интересного или убедительного объяснения тому, что неприемлемо для тех, кто хочет проникнуть в суть сходства и различия систематического характера между разными обществами¹⁸ [Carneiro 1982: 418].

Однолинейная эволюция

Систематические изменения в направлении усложнения были ясно засвидетельствованы результатами археологических исследований, и это невозможно ни отрицать, ни игнорировать. Во второй четверти XX века новое влиятельное поколение антропологов стремилось восстановить идеи прогресса, но без расистского багажа, осуществляя это с помощью (естественно)научного языка «однолинейной эволюции» [White 1959] (ср.: [Childe 1936; 1942; 1951]). Согласно этой теории культурная эволюция есть

Колумбийском университете. Среди его наиболее известных полевых проектов — путешествие на Баффинову Землю, Джезуповская экспедиция по изучению северо-западного побережья Северной Америки и Северо-Восточной Азии и др. Взгляды Боаса характеризуют релятивизм (замешанный на философской феноменологии) и скептицизм в отношении широких обобщений, к коим он относил в первую очередь эволюционистскую перспективу, не раз заводившую ранних эволюционистов (в том числе и самого Дарвина) в расизм. Сам же Боас был убежденным антирасистом и, как считает Дж. Стокинг [Stocking 1968], больше, чем кто-либо другой в антропологии, способствовал кардинальной смене парадигм: расу, которой интересовалась эта наука в XIX веке, потеснила культура, точнее, множественные культуры, в понимании Боаса.

¹⁶ Имеются в виду представители так называемой Исторической школы (Школы Боаса), для которой в целом действительно характерен антиэволюционизм. Все они прошли боасовскую докторантуру в Колумбийском университете; многие, так же как и Боас, имели германские и европейские корни. Роберт Лоуи (1883–1957) — один из первых учеников Боаса, наиболее последовательный боасовец по своим взглядам, изучал преимущественно индейцев Великих равнин и Большого бассейна. Альфред Луис Крёбер (1876–1960) — первый докторант Боаса (тем не менее во взглядах Боаса и Крёбера время от времени отмечались противоречия), изучал преимущественно индейцев Калифорнии. Рут Фултон Бенедикт (1887–1948) и Маргарет Мид (1901–1978) — ученицы Боаса позднего поколения, которые уже не были американцами, как ранние боасовцы; их взгляды, в частности, на проблему культура — психология — личность существенно отличались от боасовских. Тем не менее основные постулаты Исторической школы разделяли и они. Правда, та же М. Мид впоследствии, будучи уже президентом Американской антропологической ассоциации (1960), признавала положительным явлением возобновившиеся в США эволюционистские поиски. Русский читатель может познакомиться с некоторыми из трудов плеяды этих ученых; см.: [Мид 1988; 2004; Бенедикт 1997; 2004; Крёбер 2004].

¹⁷ В оригинале *Boasian particularists* — букв.: боасовские партикуляристы (имеются в виду вышеупомянутые и другие его ученики).

¹⁸ Здесь авторы выдают желаемое за действительное, хотя и делают это в мягкой форме. Всё же скептиков в отношении социокультурной эволюции в западной антропологии куда больше, чем сторонников этой концепции. Вначале это было связано с боасовским наследием, сильно поколебленным в ходе критики его принципов в 1950–1970-е гг. людьми типа Л. Уайта, но затем к скептикам присоединились постмодернисты.

достояние всех человеческих сообществ, совокупный рост, выраженный в подчинении природы средствами культуры (технологическим знанием).

Лесли Уайт¹⁹ находил научное основание для своей теории в связи между культурной эволюцией и энергопотреблением: в то время как экономики малочисленных групп охотников и собирателей пожинали плоды энергии, предоставленной им самой природой (в форме дичи, корней, семян и т. д.), более продвинутые земледельцы преуспели в использовании энергии, полученной от растений и животных в результате их одомашнивания. Главное направление человеческой истории заключалось в росте потребления энергии: от злаков к селекции животных, затем — к паровым машинам и машинам, принцип работы которых был основан на внутреннем сгорании, и далее ко всё более усовершенствованным в будущем технологиям, предположительно до бесконечности. Уайт попытался выразить естественнонаучную основу своих аргументов в формулах [White 1959; Уайт 2004], таких как эта:

$$E \times T \rightarrow P, \quad (1)$$

где E — энергия, T — технология, а P — производство, которое получается в результате.

Очевидно, Уайт и Чайлд²⁰ правы во многих отношениях. Археология, например, способна задокументировать сотни и тысячи лет улучшений в овладении технологиями обработки каменных орудий, керамики, металла и т. п. Современные этнографы могут подтвердить, что общества, характеризующиеся бóльшим уровнем технологической и социальной сложности, действительно контролируют большее, иногда несоизмеримо большее, количество энергии [Harris, Johnson 2000: 69].

Однако теория однолинейной эволюции столкнулась с серьёзными (если не каверзными) вопросами. Основательного пересмотра требуют особенно два аспекта. Первый заключается в критически высокой степени абстрактности этой теории. Сама по себе абстракция ещё не недостаток; самые сильные научные теории восхищают порой своей абстрактностью. Но теория Уайта, редуцирующая социокультурную эволюцию до подсчётов энергопотребления, слишком удалилась от эмпирических данных²¹. Произошёл возврат к старым типологиям, таким как выделение каменного, бронзового и железного веков, что может служить для описания орудийных традиций, но перестает работать, когда мы имеем дело с поразительным многообразием обществ внутри каждого типа: к примеру, некоторые сообщества каменного века были крупнее и сложнее, чем в бронзовом веке. Иногда Уайта можно упрекнуть и в том, что он упускал из виду очевидное значение социальной деятельности, которую не связывал

¹⁹ Лесли Элвин Уайт (1900–1975) — американский антрополог; учился на социологическом факультете Чикагского университета; большую часть жизни проработал в Мичиганском университете (Энн-Арбор); полевые исследования вёл главным образом среди индейцев пуэбло. Взгляды Уайта стоят особняком, по крайней мере в американской антропологии. Начиная с 1930-х гг. он в одиночку (так что о новом влиятельном поколении антропологов говорить пока ещё не приходится) вёл, с одной стороны, упорную борьбу за реабилитацию наследия Л. Моргана и А. Банделье, а с другой — ожесточённую критику боасовцев, которая часто граничила со скандалом (порой в его выступлениях чувствовались урапатриотические и антисемитские нотки). Марксист в широком (не партийном) смысле, Уайт — едва ли не единственный американский антрополог, снискавший к себе в СССР в годы «холодной войны» тёплое отношение. О взглядах Л. Уайта см. в разделе 9.

²⁰ Вир Гордон Чайлд (1892–1957) — выходец из Австралии; британский филолог, впоследствии и археолог; учился в Оксфордском университете; работал в Эдинбургском и Лондонском университетах (в этом последнем — в Институте археологии). В 1920-х гг. находился под влиянием модных тогда диффузионистских теорий («вторжения курганов» арийских предков индоевропейцев), увы, не без расистских перегибов; впоследствии разделял марксистские взгляды и выработал свой вариант технологически детерминированного эволюционизма. Более всего известен как автор концепции неолитической революции, которая в терминах стадильности описывает переход от добывающей экономики к производящей, в различных регионах действительно имевший место в неолите (9–6 тыс. лет до н. э.).

²¹ В связи с этим симптоматично, что, как прекрасно подметил Э. Эванс-Причард, «во всех статьях Уайта об американских индейцах — предмете многолетних полевых исследований — он даже не пытается доказать свою теоретическую точку зрения собранными этнографическими фактами» [Эванс-Причард 2003: 250].

напрямую с энергопотреблением, как, например, в случае, когда причислил публичные демонстрации богатства с целью самовосхваления, обнаруженные в «престижных экономиках» (см. раздел 7), к «социальным играм», не относящимся к экономическому процессу [White 1959: 241].

Многолинейная эволюция

Одним из способов преодоления чрезмерной абстрактности у Л. Уайта и одновременно переломным моментом для дальнейшего развития социального эволюционизма была теория «многолинейной эволюции» Стюарда²² [Steward 1955], который не отрицал полностью теоретическую значимость основной схемы социальной эволюции от простого к сложному. Фактически эмпирическая работа, проведённая среди культур коренных народов Южной Америки, заставила его даже расширить использование однолинейной типологии, а именно: кочевые охотники и собиратели — сельские фермеры — теократические военизированные вождества — цивилизации [Steward, Faron 1959: 13]. Но как ученик Крёбера, в нюансах, связанных с локальными проявлениями, Стюард стремился восстановить основы боасовской теории: в самом деле, как реальные люди в своих сообществах стали обладать энергией и всем набором нужных им вещей? Более того, как они организовали собственный труд, имущество, взаимоотношения с другими индивидами и социальными группами, знания, мировоззрение и верования, чтобы удовлетворить свои потребности? Если, как гласит мудрость, любая политика локальна (*all politics is local*), то для Стюарда и вся эволюция также локальна, поскольку процесс социальной эволюции заключается в том, как в повседневной жизни люди своими действиями решают проблемы, меняя поведение или отказываясь его менять. Этот локальный процесс он определил как *адаптацию*, и именно через адаптацию Стюард подвёл оторванную от реальности теорию под конкретные, почерпнутые из экономической антропологии знания, которые до тех пор развивались параллельным, в значительной степени независимым путём. Далее, в дискуссии об экономической мотивации, мы ещё исследуем эту важную связь.

В то же время, когда работал и писал Стюард, Барт²³ [Barth 1956] показал, что адаптация к местным условиям должна также означать широкие региональные и межрегиональные отношения конкурен-

²² Джулиан Хэйнс Стюард (1902–1972) — американский антрополог; окончил Корнелл (1925) и Калифорнийский университет в Бёркли (1929), где учился у Крёбера; полевые исследования вёл среди индейских племён Большого бассейна, Плато, Калифорнии, а также в Южной Америке; работал в Мичиганском университете в Энн-Арбор (основал департамент антропологии), Университете Юты, Смитсоновском институте (основал там Институт социальной антропологии), Колумбийском в Нью-Йорке и Университете Иллинойса в Урбане-Шампейне. Среди предложенных им концептов наиболее известны «культурный тип», «культурная экология» и «многолинейная эволюция», в основных чертах разделяемые и авторами данной книги. Культурный (динамический) тип был призван заменить используемый некоторыми боасовцами (но не самим Боасом) так называемый культурный ареал — статически понимаемую классификацию индейских культур, совмещающую географический признак и ареальное распространение культурных сходств, например «Большой бассейн». А. Джонсон и Т. Эрл берут на вооружение перечень признаков (см. ниже — о ядре культуры), с помощью которых Стюард моделировал свои культурные типы. В советской этнографии с некоторым запаздыванием параллельно (или, возможно, под влиянием Стюарда) были выдвинуты концепты, близкие культурному ареалу (историко-этнографическая область) и культурному типу Стюарда (хозяйственно-культурный тип). В культурной экологии Стюард различал следующие взаимосвязанные аспекты: адаптация (*adaptation*) — способность культуры ответить на воздействие среды; средство жизнеобеспечения (*mean of subsistence*) — метод эксплуатации среды (охота, собирательство и проч.); экологическая ниша (*ecological niche*) — набор ресурсов, используемых в определённой местности; выбор разными культурами различных экологических ниш; вместимость (*carrying capacity*) — максимальное число людей, использующих определённые средства жизнеобеспечения, которое может существовать в определённой экологической нише. Наконец, из культурной экологии Стюарда органично вытекала его «многолинейная эволюция» — прививка боасовского партикуляризма к знакомой эволюционной теории. Кстати, сам он в истории этой последней выделял не два, а три этапа, соответствующие разным эволюциям — однолинейной (Э. Тайлор, Л. Морган и др.), универсалистской (Л. Уайт, Г. Чайлд) и многолинейной (он сам). Кроме всего прочего, на материалах Дж. Стюарда в значительной степени основано описание шошонов (случай 1) из раздела 3 данной книги.

²³ Фредрик Барт (1928–2016) — норвежский антрополог; работал в университетах Осло и Бергена (в этом последнем основал департамент антропологии), Эмори и Гарварде; был профессором антропологии Бостонского университета (США); вёл полевые исследования в долине Сват (Пакистан), Дарфуре (Судан), на острове Бали и в Новой Гвинее. Особо известен своей трансакциональной концепцией этнического самосознания (этничности), поставившей возникновение и бытование этничности в зависимости от социально конструируемых границ между сообществами и различных механизмов (способов) их поддержания; ср.: [Барт, ред. 2006].

ции и обмена. В районе Сват (Северный Пакистан) вместе сосуществовали три различные этнические группы, каждая со своей историей и экономикой, которые эксплуатировали разные экологические зоны и обменивались продуктами своей специализации: фермеры зоны ирригации, живущие в областях с высокой плотностью населения; рассеянные по территориям пастухи и скотоводы-фермеры, ведущие смешанное хозяйство. Социальные группы с высокой плотностью населения и наиболее интенсивной экономикой не пускали других на лучшие равнинные земли, тогда как на возвышенностях, где заниматься фермерством было невозможно, оставались только пастухи. Пастухам поэтому надо было выменивать своих животных на зерно у фермеров. Каждое общество адаптировалось не только к локальным географическим условиям, но также к политическим и экономическим реалиям соседних обществ.

Концепт «многолинейной эволюции» предлагает больше теоретической гибкости, чем однолинейная эволюция. Идея о том, что социальная эволюция может следовать в различных направлениях в зависимости от локальной истории и экологии, с лёгкостью вмещает возможность того, что для отдельных сообществ, добившихся эффективного разрешения проблем, вызванных демографией и средой, вовсе нет необходимости развиваться, если эти условия кардинально не меняются. Не существует внутренней тенденции к совершенствованию, которая направляла бы технологию ко всё возрастающим уровням коэффициента полезного действия энергии. Охотники и собиратели могут оставаться охотниками и собирателями до бесконечности; общество садоводов и пастухов, пусть и овладевшее энергией, годной для использования, может сохранять малочисленность и эгалитарность.

В дальнейшем преодолении однолинейной эволюции антропологи после Стюарда отошли от технологического редуционизма при типологизации уровней социокультурной сложности, сводящего всё к использованию орудий труда, энергии или способам производства, и вместо этого перешли к типологиям, сфокусированным на основных паттернах социальной организации. Сервис²⁴ предложил деление на общины — племена — вождества — государства [Service 1962]; вслед за ним Фрид²⁵ выступил с трёхступенчатой типологией, в фокусе которой была политическая организация: эгалитарное общество — общество различающихся рангов — стратифицированное общество [Fried 1967]. Терминология, присущая как Сервису, так и Фриду, широко используется в современных дискуссиях о социокультурной эволюции, и мы также весьма близки к ней в своих предпочтениях.

²⁴ Элман Роджерс Сервис (1915–1996) — американский антрополог; окончил Мичиганский (1941) и Колумбийский (1951) университеты; работал там же, у Дж. Стюарда, а также в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре; вёл полевыми работами в Парагвае, других латиноамериканских странах и на Карибских островах. Эволюционист, но не марксистского толка, он, в частности, считал, что ранние цивилизации стратифицировались не по принципу собственности, а лишь на властной основе, поэтому они не знали и не могли знать настоящей классовой борьбы. Грандиозные архитектурные сооружения, оставленные ими (пирамиды и проч.), он рассматривал как результат социальной интеграции, а не принудительного труда. Приведённая широко известная типология форм социальной организации Сервиса вызывала у нас критику, поскольку резко отличается от типологии, разделяемой советскими учеными, где формы обществ увязывались с марксистскими формациями: племя (первобытнообщинная) — народность (рабовладельческая и феодальная) — нация (капиталистическая и социалистическая). Особенно раздражало то, что Сервис разводил общину (band) и племя (tribe) как стадии, а значит, отрицал одну из наших ключевых догм — универсальность родоплеменной организации. По сложившейся в СССР к 1980-м гг. официальной версии, универсальный на первобытной стадии материнский род претерпевал разложение при переходе в классовое общество, причём в чётко оговоренных трёх формах: позднематеринской (как у ирокезов Моргана), отцовской (например, у индейцев осейджи) и безродовой (куда втискивали и австралийских аборигенов, и шошонов Стюарда). Концепт вождества (chiefdom) чуть позже всё-таки приняли (начиная с А. М. Хазанова, 1979). Взгляды Э. Сервиса рассматриваются в разделах 2–3, 5, 11–12 данной книги.

²⁵ Мортон Герберт Фрид (1923–1986) — американский антрополог; окончил Городской колледж Нью-Йорка и докторантуру у Дж. Стюарда в Колумбийском университете (1950), где и проработал большую часть времени; вёл полевые исследования в Китае. Сочувствовал марксизму. С приведённой трёхступенчатой типологией Фрида связан один из идеологических споров: советские и американские коллеги не соглашались в оценках уровня социального развития во многих конкретных случаях; например, наши учёные уделяли большое внимание рабству индейцев северо-Западного побережья, считая его признаком классового расслоения; американские же определяли их как общество различающихся рангов и т. д.

В свете «многолинейной эволюции» в таких широких типологиях социальной организации признаётся, что каждая разновидность адаптационного решения содержит собственные возможности для эволюции. Общую, ставшую хрестоматийной типологию (основанную в основном на данных Сервиса), которую и сегодня начинают со стойбищ или общин охотников и собирателей и ведут через садоводческие деревни к аграрным государствам (добавляя так или иначе пастухов), можно заменить на эволюционные линии охотников и собирателей разных рангов — от стойбищ до вожеств [Arnold 1996], аналогичную замену можно произвести и в отношении пастушеских народов и земледельцев со сходными рангами.

Многолинейность достаточно очевидна в тех случаях, которые мы отобрали для этой книги. Хотя наши случаи и распадаются на категории добытчиков, пастухов и фермеров, подобные тем, что указывались выше, но их пересекает нелинейная схема социальной шкалы: общество на уровне семьи, локальная группа и региональная политика. Отсюда, в соответствии с принципом многолинейности, добытчиков можно обнаружить и на уровне семьи (например, шошоны, случай 1), и на уровне локальных групп, включающих более сложные системы бигменов²⁶, и, возможно, на уровне вожества (например, Северо-Западное побережье²⁷, случай 9). Фермеров мы находим на всех уровнях, отличающихся определённой степенью социальной сложности, от уровня семьи (например, мачигенга, случай 3) до региональной политики (например, Кали-Лоро, случай 19). Пастухи также могут существовать в совершенно разных социальных масштабах. Только при тщательном анализе локальной географии, истории и социальной среды можно понять, почему одна пастушеская группа лишь едва отличается от добытчиков, находящихся на уровне семьи (например, нганасаны, случай 4), тогда как другие пастухи живут вождествами внутри аграрных государств (например, басери, случай 14). Более глубоко мы обсудим нашу эволюционную типологию в этом разделе ниже.

Хотя Сервис и Фрид сошлись на похожих типологиях, их противоположные объяснения того, как в ходе социальной эволюции появились возрастающий политический контроль и социальное расслоение, обнаруживают старую теоретическую ошибку. Фрид в видении расслоения общества следовал за Марксом и Энгельсом, считая это явление, в сущности, политическим результатом того, что амбициозные и жадные индивиды, иногда называемые самовыдвиженцами [Hayden 1995: 16–21], извлекают пользу от избыточного продукта (см. дискуссию об излишках, раздел 9), чтобы удовлетворять свои непомерные притязания на доминирование. В многолинейной системе отчёта успех такого «самовыдвиженца» зависит от возможностей захватить на местах контроль над излишками продукта и обратить их в свою пользу.

В то же время Сервис в большей степени, чем Фрид, опирался на экологическую перспективу. Он не видел, как могли бы доминировать в политическом процессе лидеры, если бы они не предоставляли реальные ценности своим сторонникам и подданным. В конце концов, в эгалитарных обществах часто избавлялись от неконтролируемых алчных и агрессивных индивидов. Лидеры организуют военные операции и оборону, возводят и поддерживают ирригационные системы, делают запасы пищи на случай голода, управляют межгрупповой торговлей. Люди доверяют им большую долю общинного богатства только по той причине, что члены общины нуждаются в благополучии. В этой версии многолинейного эволюционизма успех предводителя может варьироваться в зависимости от локальной потребности в организации труда и контроля и развития ресурсов.

²⁶ Первоначально (*англ. big man* — большой человек) — влиятельный в деревне, племени и т. п., но не облачённый формальной властью индивид в Меланезии и Новой Гвинее. С подачи, кажется, М. Салинза [Sahlins 1963] термин стал широко используемым в западной антропологии; обозначает все подобные социальные явления независимо от культурной принадлежности.

²⁷ *Northwest Coast* (*англ.*) — зд. один из так называемых культурных ареалов (*culture areas*) в асоветской этнографической традиции — историко-этнографические области.

Старый спор, предметом которого, в сущности, является то, захватывают ли лидеры власть у общины или же она сама им её вверяет, продолжается до сих пор, что способствует появлению теорий эволюции усложнения (см. раздел 9). Наша трактовка заключается в том, что это две стороны одного и того же процесса, искусственно разделённые в теоретических дебатах, но неразрывно связанные на практике.

Антипрогресс: население и сокращающиеся доходы

Вторым после расизма и (или) этноцентризма значительным недостатком эволюционизма XIX века была слепая вера в неизбежность прогресса. В первой половине XX века ни однолинейный, ни многолинейный эволюционизм полностью не были избавлены от этого порока. Сильное влияние как при описании, так и при объяснении оказывали не только откровенно расистские (и имперские) убеждения, но и представление о том, что социокультурная эволюция представляет собой прогресс. Многим теоретикам казалось очевидным, что технологический прогресс является причиной роста численности населения и одновременно социального и политического усложнения. Почему население возросло? Были обнаружены новые источники пищи, что сделало возможным технические усовершенствования. Почему жизнь в деревне заместила подвижную добывающую деятельность? Садоводство — более надёжный и менее тяжёлый вид деятельности, чем постоянные перемещения. Почему железные орудия труда вытеснили каменные? Железо — более податливый материал, позволяющий делать края орудий более острыми и обеспечивать более широкое применение. Почему поля из рисовых чеков вытеснили подсечно-огневое возделывание риса? Подвергнутые ирригации падди²⁸ более продуктивны. Почему региональные правления интегрировали политически автономные деревни? Централизованная власть предоставляет такие услуги (безопасность, инфраструктура, координирование), которые находятся за пределами возможностей одной деревни.

Связь между экономической деятельностью и размером общества казалась очевидной многим наблюдателям, и недавно она была подтверждена ещё раз при тщательном исследовании того, как в различных обществах люди проводят время [Sackett 1996: 337]:

Изучение распределения времени подтверждает то, что нам казалось уже хорошо известным: малочисленные общества (определяемые по размерам поселений, плотности населения, изолированности от городских центров и социальным и экологическим показателям) имеют тенденцию проводить большую часть своего производственного времени, добывая дикие растения и животных. По мере роста и развития поселений добывание расширяется и затем замещается земледельческим производством. При дальнейшем увеличении масштаба земледельческое производство обретает тенденцию к сочетанию с различными видами товарно-денежной деятельности, такими как использование товарной части урожая и наёмного труда. В индустриальных обществах почти все производственное время отводится под товарно-денежную деятельность, даже производство пищи становится профессиональной специализацией, за которую рабочие получают заработную плату.

Даже в наше время, с гораздо более скептическим отношением к прогрессу, чем ещё полвека назад, мы часто говорим о технологических и социальных изменениях как о факторах, которые делают жизнь лучше. В самом деле, если изменения не вели бы к лучшему, то зачем люди принимали их? Теория технологического прогресса обладает достоинствами, предлагая для экономических изменений прямое и правдоподобное объяснение: люди изобретают новые технологии, часть которых находят приемлемыми и поэтому копируют и совместно их используют, оставляя в употреблении до тех пор, пока более совершенные изобретения не вытеснят прежние. По этой квазидарвиновской логике, люди принимают изменения

²⁸ У нас под «падди» (от *англ. paddy*) обычно понимается необрушенный рис, то есть рис в том виде, в котором его привозят с полей. Но в данном случае речь идёт о способе выращивания риса — о заливных полях (*paddy fields*).

в способе, которым они что-то делают, потому что признают для себя выгоду в том, чтобы так поступать. Эта мысль ярко выражена в обнадёживающей фразе Чайлда «человек делает себя сам» [Childe 1936].

Однако оптимизму теоретиков прогресса противостояла серия более пессимистических взглядов. До начала XIX века Мальтус²⁹ полагал, что рост населения ведёт не к прогрессу, а к недостатку и нищете [Malthus 1798]. И по крайней мере один эволюционист XIX века, Герберт Спенсер³⁰, видел двигатель социальной эволюции не в прогрессе, а в войне: потребность во всё более организованной защите от врагов проявлялась в том, что общество становилось, так сказать, более сложным, а в результате жизнь людей необязательно улучшалась [Carneiro 1967]. В этих взглядах на историю наличествует не прогресс, но четыре всадника Апокалипсиса, удерживающих власть, — Война, Голод, Болезнь и Смерть.

После Стюарда теоретики становились всё скептичнее в отношении предположения, что социокультурная эволюция повышает уровень жизни людей. Возможно, наибольшее влияние возымело применение экономического закона сокращающихся доходов Бозеруп³¹ [Boserup 1965], доказывающей, что многие так называемые технологические усовершенствования в действительности менее эффективны, чем то, что им предшествовало; их принимают из-за безысходности, по мере того как растущие популяции соглашались даже на более трудоёмкие технологии во избежание голода. Длинные рабочие дни в продвинутых современных экономиках и растущее ощущение «нехватки времени» подкрепили сомнения в том, что прогресс в действительности имеет место [Linder 1970; Scitovsky 1976].

В 1970-е гг. пессимистическое видение человеческой истории было частью растущего энвайронментализма — широко распространившегося осознания политиками того, что окружающая среда не является бесконечно продуктивной и беспредельной. Интенсивное использование среды стоит дорого, так как деятельность людей истощает невозобновляемые ресурсы и приводит к деградации тех, которые способны к самовосстановлению. Демонстрируемые средствами массовой информации яркие примеры гибели лесов, эрозии почв и опустынивания предупреждают нас о том, что интенсификация способна разрушить ресурсы. Восстановление и поддержание продуктивности повреждённых ландшафтов требуют инвестирования труда и управления, и это выполнимо лишь там, где существует политическая воля оплачивать эти расходы. Во «взрыве населения»³² [Ehrlich 1968] можно увидеть, скорее, маячившую угрозу человеческому существованию, чем показатель прогресса.

²⁹ Томас Роберт Мальтус (1766–1834) — известный английский экономист и демограф; окончил Кембриджский университет, преподавал в Колледже Ост-Индской компании (первый британский профессор политэкономии, с 1805 г.). Считал, что безработица и обеднение рабочих слоёв при капитализме — результат естественного закона народонаселения, то есть абсолютного избытка людей (так называемое мальтузианство).

³⁰ Герберт Спенсер (1820–1903) — английский философ-самоучка, классик либеральной политической мысли; лауреат Нобелевской премии по литературе (1902). Теоретик эволюционизма, понимал эволюцию как наиболее общий закон, управляющий через космос всем — от неорганического мира до человеческого разума. Именно Спенсеру принадлежит афористичная формулировка закона естественного отбора Дарвина: *Survival of the fittest* — букв.: выживание наиболее пригодного. Но в отличие от Дарвина он понимал эволюцию как развитие от простого, недифференцированного, гомогенного к сложному, дифференцированному, гетерогенному, однонаправленное и конечное — до достижения окончательного равновесия. Считается одним из отцов-основателей социологии и антропологии.

³¹ Эстер Бозеруп (правильнее Бёзеруп, 1910–1999) — датский экономист, специалист в области сельскохозяйственного развития, писательница; долгое время работала в ООН; почётный доктор экономики Копенгагенского университета. Опровергала утверждение Мальтуса о зависимости роста населения от способов земледелия (при помощи аргумента о появлении излишков пищи), доказывая, что, напротив, давление населения подталкивает к совершенствованию технологий; ср. [Бозеруп 2004]. Взгляды Э. Бозеруп на сущность так называемого подсечно-огневого земледелия обсуждаются в разделе 4 данной книги: земли можно оставлять подолгу под паром, пока плотность населения низка. Но когда она начинает расти, сокращают продолжительность пара и переходят к ежегодному возделыванию земель. Делянки успевают покрыться лишь травой и кустарником, а не лесом, что снижает их плодородие и заставляет искать выходы в подготовке поля, ирригации и т. д., а это, в свою очередь, повышает трудовые затраты. Увеличение продукции ценой больших трудовых затрат при снижающейся производительности труда Бозеруп назвала интенсификацией земледелия.

³² В оригинале *population bomb* — популяционная бомба.

Уравнение Судного дня. Дабы проиллюстрировать некоторые релевантные теоретические положения, можно отдельно рассмотреть историю математической формулы, которая стала известна как *уравнение Судного дня* [Umpleby 1987]. Примерно в то же время, когда в антропологии появился пессимистический антипрогрессистский взгляд, Форстер и его коллеги [Foerster, Mora, Amiot 1960] опубликовали уравнение, которое стало лучшим выражением кривой роста народонаселения со времён Христа:

$$\text{Население} = \frac{1,79 \times 10^{11}}{(2026,87 - \text{время})^{0,99}} \quad (2)$$

Уравнение (2) описывает рост населения по экспоненте, при котором численность теоретически достигнет бесконечности в пятницу, 13 ноября 2026 г. Несмотря на то что эта «интересная особенность» (Судный день) причудливо попадает на пятницу, 13-е, авторы серьёзно предостерегают: итог двух тысячелетий продолжающегося роста народонаселения вскоре может закончиться катастрофой, если такая тенденция сохранится в течение ещё нескольких десятилетий.

На выходе получается уникальная человеческая модель популяционного роста. Большинство биологических организмов способны к быстрому росту популяции при изобилии ресурсов, но этот рост неминуемо замедляется и, в конце концов, останавливается по достижении предельного уровня вместимости окружающей среды (*carrying capacity*) [Pearl 1925]. Эта модель популяционного роста, подтверждённая бесчисленными лабораторными и полевыми исследованиями, следует кривой логистического возрастания сигмовидной формы — так называемой *S*-кривой (см. рис. 1, график А).

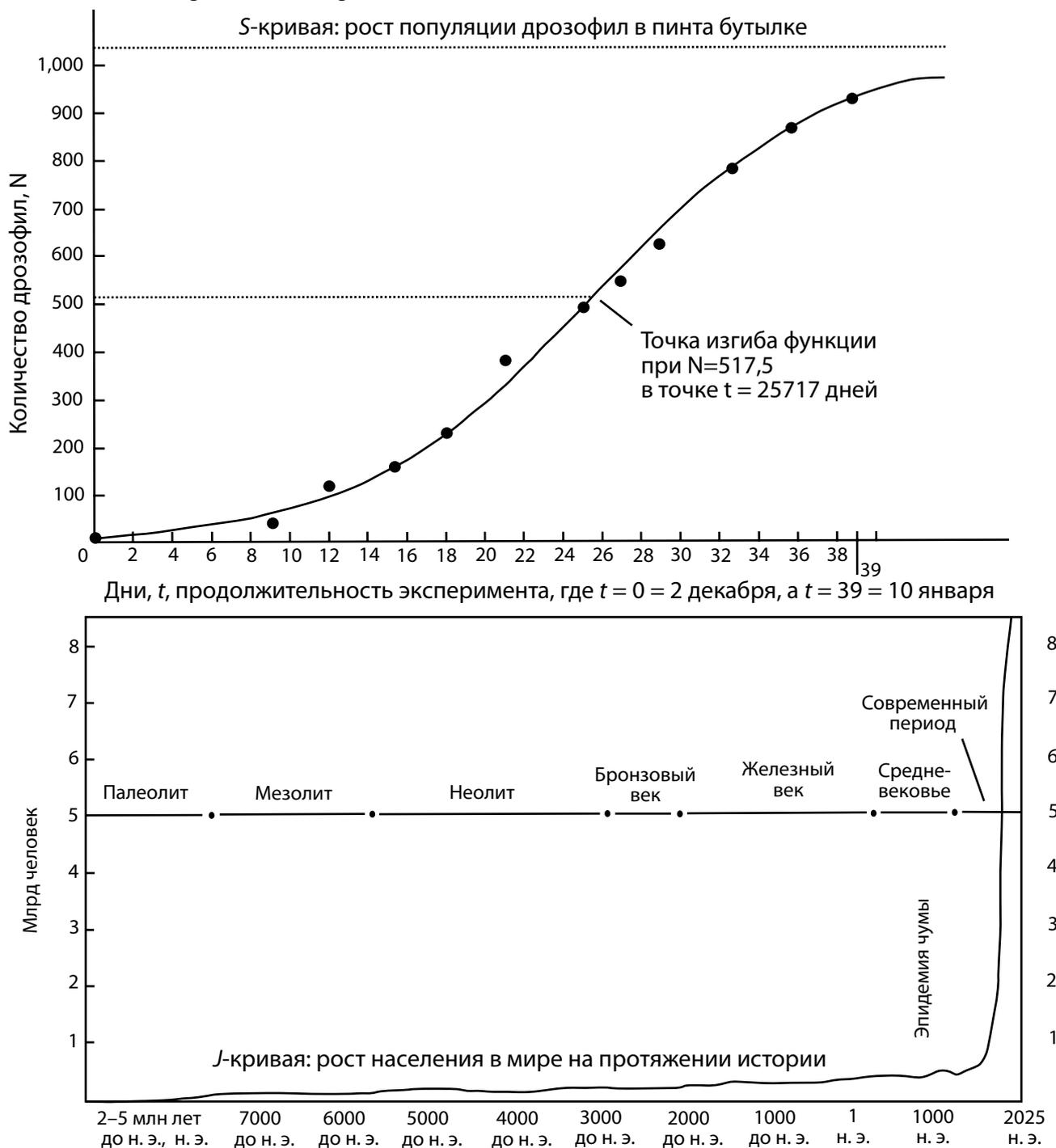
По контрасту модель роста по экспоненте, или *J*-кривая, описанная уравнением Судного дня, — это то, чего можно ожидать только в «раю» [Foerster, Mora, Amiot 1960: 1291], то есть там, где ресурсы настолько изобильны, что четверо всадников Апокалипсиса вряд ли объявятся. Уравнение Судного дня подтвердило то, во что многие уже верили: в отдалённом прошлом народонаселение увеличивалось медленно, но постепенно рост этот набирал скорость и в современную эпоху, по всей видимости, стремится к бесконечности (см. рис. 1, график В). В сущности, Форстер и его соавторы доказали, что люди при помощи «пищевой технологии и технических наук» [Schmek 1960: 10] изменили законы природы. Вместо того чтобы оставаться субъектом ограничений, налагаемых вместимостью, люди вступили с природой в соревнование, в котором они выигрывают в том смысле, что их популяция продолжает увеличиваться по экспоненте. *J*-кривая роста народонаселения представляет собой победу культуры над природой.

Больше всего внимания приковало к себе предсказание, что в один злосчастный день численность населения планеты может дойти до «заполняющей бесконечность Вселенной» (*«universe-filling infinity»*) [Doomsday in 2026... 1960: 90]. Но это, конечно же, не может произойти. Один современный журналист, пытаясь метафорически описать это предсказание, с юмором объявил, что в день Страшного суда масса человеческих тел может оторваться от Земли и разлететься со скоростью света во всех направлениях!

Тогда критики ответили, что коэффициент роста народонаселения замедляется и уравнение Судного дня больше неприменимо. Всё же перепроверка уравнения Судного дня в 1987 г. показала, что рост населения не только не замедлился, но в действительности опередил предсказание (см. рис. 2). В самом деле, если бы, как многие опасались, в ту эру разразилась Третья мировая война, ожидаемые 400 млн убитых в Европе и Америке просто бы снизили население планеты до уровня, предсказанного в уравнении Судного дня [Umpleby 1987: 1556]. Что же происходило?

На протяжении всей истории четверо всадников Апокалипсиса определённо ограничивали рост населения, точно так же как и рост популяций у животных. Десятки тысяч лет люди к тому же обладали доступом к культурно опосредованным средствам контроля над населением, включая предохранение

от беременности, аборт и детоубийство, к которым они прибегали в определённых обстоятельствах, чтобы удержать население ниже предельного уровня вместимости среды [Read 1986: 20–21; 1998]. И всё же мировое население неумолимо растёт. В последние десятилетия заметные улучшения в здравоохранении, достижения пищевой промышленности и экспансия сельского хозяйства в леса, пустыни и болота идут почти вровень по крайней мере с двумя всадниками — Болезнью и Голодом. Культура позволила людям продолжать наращивать вместимость Земли.

Источники: [De Sapia, 1978: 447; Population Reference Bureau 1995: 6].

Рис. 1. Два типа роста численности населения: природа vs культура?

Уравнение Судного дня в этом смысле поддерживает оптимистичный взгляд: культурное превосходство человека над природой позволит населению расти безгранично. Но это оптимизм с горькой усмешкой [Foerster, Mora, Amiot 1960: 1295]:

Таким образом, мы можем заключить с твёрдой уверенностью, что принцип «адекватной технологии», который, как доказали, был верен более чем для ста поколений, удержится, по меньшей мере, ещё для трёх. К счастью, нет необходимости загружать теорию ненужной дальнейшей экстраполяцией, потому что — и здесь пессимисты опять ошибаются — наши прапраправнуки не умрут от голода. Они умрут от тесноты.

Этот «оптимистичный» взгляд, конечно, не менее пессимистичен, чем любой другой. При конечном анализе уравнение Судного дня наиболее ярко иллюстрирует то, что население не может увеличиваться безгранично. В какой-то точке любая реальная популяция должна начать расти медленнее, чем *J*-кривая. Хотя примерно до 1992 г. население мира превышало предсказание уравнения Судного дня, неизбежное в конце концов случилось: действительная численность населения перестала достигать предсказанную уравнением (см. рис. 2). При помощи каких бы комбинаций катастроф и регуляции рождаемости это ни происходило, но в последние годы рост населения мира больше похож на прямую линию, так как каждый год в мире прибавляется 80–90 млн человек. Мы ещё увидим, начнёт ли эта линия принимать форму *S*-кривой. Интуиция подсказывает, что рост населения Земли должен иногда замедляться, и последние данные убеждают в том, что мы уже находимся на этом пути [United Nations 1996]. Множатся свидетельства того, что существующие нормы пользования уменьшают необходимые ресурсы (даже почвы и пресной воды), от которых зависит сельское хозяйство [Ehrlich, Daily, Goulder 1992: 23]. Всё же специалисты спорят, способна ли Земля вместить 10 млрд человек и более или мы уже намного превысили норму и должны начать сокращаться до устойчивой численности примерно в 1 млрд человек [Moffat 1996; Ehrlich, Ehrlich 1997].

Рис. 2. Мировое народонаселение и уравнение Судного дня (с 1960 г.)

Вывод уравнения Судного дня состоит в том, что народонаселение способно быстро и неумолимо расти, если для его поддержания достаточно ресурсов. Наличие культуры, которую оптимисты рас-

смаатривают как владычество над природой, позволяет людям увеличивать доступные ресурсы до беспрецедентного объёма. И всё же этот процесс не может продолжаться бесконечно. В наше время, а в действительности — в течение всей истории, увеличение ресурсов с трудом поспевало за ростом населения, который происходил, несмотря на отсутствие райских условий (исключение составляло меньшинство, имеющее доступ к изобилию). Для громадного большинства рост населения означает постоянные сложности с обеспечением и управлением ресурсами, от которых зависит удовлетворение основных потребностей. Знание этих проблем и того, как с ними справляться, и есть ключ к пониманию процессов социокультурной эволюции.

В интеллектуальном окружении (*milieu*) демографических взрывов и уравниваний Судного дня культурные антропологи, такие как Харрис³³ и Карнейро³⁴, и археологи, такие как Коэн, исследовали вероятность того, что социокультурная эволюция движима борьбой людей против ухудшения качества жизни, вызванного непрекращающимся ростом населения [Carneiro 1970; Cohen 1977; 1994; Harris 1977]. Кросс-культурные данные свидетельствуют о сильной положительной корреляции между социально-экономическими проблемами и демографическим давлением [Keeley 1988]. По мере усиления соперничества за ресурсы люди должны жить скученнее, чтобы защищать себя, свои запасы пищи и свои земли. Лидерство становится необходимым для защиты и образования союзов. Для извлечения максимальной пользы из сокращающихся ресурсов, нужно воплощать сложные и требующие больших усилий групповые замыслы. В этом смысле в основе социокультурной эволюции лежат рост населения и цепная реакция экономических и социальных изменений.

Рост населения и социальная эволюция. Представляют ли собой такие изменения улучшение качества жизни индивидов (экономики жизнеобеспечения) или нет, зависит от интерпретации свидетельств. Данные о распределении времени показывают устойчивую модель изменений от малочисленных обществ к индустриальным [Sackett 1996: 338–342]:

³³ Марвин Харрис (1927–2001) — американский антрополог; окончил магистратуру (1949) и докторантуру (1953) в Колумбийском университете (Нью-Йорк), где и остался работать; затем перешёл во Флоридский университет. Вёл полевые исследования в Бразилии, Мозамбике, Индии и других местах. Автор концепции культурного материализма, в которой сочетал марксистские идеи производительных сил, базиса и надстройки с мальтузианством в оценке демографического фактора; в стремлении человечества ответить на вызовы последнего видел механизм эволюции. Цитируемая работа («Каннибалы и короли») вызвала в академическом сообществе скандал. Харрис признал реальность каннибализма у ацтеков и объяснил его белковой недостаточностью, точно так же как и воинственность яномамо. Он считал, что в общинах охотников и собирателей, беспокоящихся о сохранении баланса размеров популяции и ресурсов, имеющихся в их распоряжении, должно было существовать детоубийство (и прежде всего избавлялись от девочек) как наиболее простое средство контроля за ростом населения. Это вызвало резкое раздражение у феминисток (хотя Харрис и не был никогда противником феминизма). В последние годы слыл оппонентом постмодернистской теории, влияние которой на социальные науки считал пагубным. Взгляды М. Харриса рассматриваются в разделе 9 данной книги.

³⁴ Роберт Леонард Карнейро (род. в 1927) — американский антрополог; окончил докторантуру в Мичиганском университете (1957); куратор антропологии в Американском музее естественной истории (Нью-Йорк), специалист по южноамериканским индейцам. Эволюционист, более всего известен теорией происхождения государства — так называемой теорией стеснённости (*Circumscription Theory*), которую и излагает в цитируемой книге. Полагает, что результатом демографического давления являются войны. Обычно войны не способствуют объединению общества, а, наоборот, дезинтегрируют его. В тех местах, где начинаются войны за ресурсы (земли), можно ожидать два сценария развития событий: проигравшие мигрируют на другие земли либо, если присутствует некая «стеснённость» (например, в условиях горной долины и т. д.), они вынуждены подчиниться власти победителей; в результате такой интеграции возникает государство. Карнейро опровергает другие расхожие теории: во-первых, автоматическую (Энгельс, Чайлд, Фрид), согласно которой переход к сельскому хозяйству автоматически вызывает прибавочный продукт, разделение труда, классовое расслоение и политическую интеграцию в государство (на самом же деле земледелие ещё не влечёт за собой прибавочный пищевой продукт (Амазония), необходим некий социальный механизм); во-вторых, гидравлическую (Виттфогель), объясняющую возникновение государства необходимостью централизованного контроля за сложными ирригационными системами, возведение которых неизбежно в аридных зонах (в действительности археология показала, что государства уже существовали в таких местах (Месопотамия, Китай, Мексика) до интенсивной ирригации); в-третьих, теорию завоевания пастухами земледельцев (Оппенгеймер) (однако пастушеское скотоводство не было известно в Месоамерике, и археология показывает, что оно не возникло раньше, чем государство, и в Старом Свете). У русского читателя есть возможность познакомиться с творчеством этого антрополога; см. [Карнейро 1999].

- время ежедневной работы разительно возрастает: от в среднем чуть менее 6 часов на одного взрослого добытчика, около 6 часов 45 минут среди садоводов до 9 часов среди занимающихся интенсивным земледелием и немного меньше среди жителей индустриальных городов. Рост количества рабочего времени поровну распределяется между мужчинами и женщинами;
- время, проведённое за изготовлением и починкой предметов семейной собственности, уменьшается приблизительно на две трети (возможно, как результат приобретения подобных вещей у специалистов при посредничестве рынка);
- время, затраченное на ведение домашнего хозяйства, возрастает примерно от получаса в день до 1 часа 45 минут, что связано с большей стабильностью домов и увеличением количества предметов, которые в них хранятся. По мере того как увеличивается размер общества, время, потраченное на ведение домашнего хозяйства женщиной, растёт, в то время как у мужчин оно сокращается;
- работа всё больше подразделяется на две сферы: домашнее пространство женщин, сформированное домом и семьёй, и производительная сфера мужчин, сфокусированная на товарно-денежных видах деятельности [Minge-Klevana 1980].

Эти паттерны надёжно подкрепляются количественными кросс-культурными данными. Но паттерны не отвечают на вопрос, делает ли возможным повсеместный рост производства технологические инновации, или же увеличение населения заставляет технологические улучшения «идти в ногу» с изменениями.

В этой книге в центре нашего внимания будет спор в духе дискуссии о курице и яйце: что лежит в основе социальной эволюции — рост населения или технологические успехи? В качестве двигателя эволюционного процесса мы полагаем процесс обратной связи между населением и технологией. И рост населения, и технологическое творчество — это возможности, которые вечно присутствуют в жизни людей. Как показывает S-кривая, популяции растут, пока не достигают пределов среды (её вместимости). Этот процесс подчиняется закону минимума Лейбига, устанавливающему, что рост населения ограничивается ресурсами (например, водой), находящимися в критическом состоянии, то есть запасы которых наименьшие [Hardesty 1977: 196–197]. В отношении проблем, вызванных перенаселённостью, отдельные индивиды пробуют новые творческие решения, совместимые с существующими технологиями и возможностями, предоставляемыми окружающей средой. Не всякая среда допускает рост населения, и не все технологии обеспечивают основу, на которой можно получить новую производительность, способную увеличить вместимость среды. Но там, где процесс обратной связи между ростом населения и технологическими изменениями активен, социально-экономическое усложнение, похоже, должно следовать модели, которую мы выводим ниже (см. рис. 3).

Проблема войн. Примеры, содержащиеся в этой книге, иллюстрируют основополагающую истину: человечество везде и во все времена обладало потенциалом насилия для достижения своих целей [Keeley 1996: 26–32]. Если мы примем за войну «вооружённый конфликт и связанные с ним деятельность и отношения между независимыми политическими единицами в обществах всех типов» [Haas 1996: 1357], тогда определённно, как доказывал Герберт Спенсер, необходимость защиты своей группы от сильных угроз извне сама по себе достаточна, чтобы поддерживать политическую интеграцию внутри, избежать исчезновения и выставить эффективные контругрозы. В этом смысле война правильно определялась как одна из причин социальной эволюции [Carneiro 1970]. Однако, несмотря на значение войн, поиск их причин в действительности затемняет природу войн и их место в эволюции человеческих обществ.

О причинах и поводах войн существует множество теорий — от популярных, таких как конкуренция из-за ресурсов, до воистину идиосинкразических, таких как месть (навязчивая идея королей) [Keeley 1996: 114]. Проблема в том, что попытка объяснить войны предполагает, что они являются сущностями, которые можно описать, проанализировать и истолковать. Более продуктивный подход заключается в том, чтобы признать следующее: мы прибегаем к агрессии, чтобы достичь своих целей; это часть нашего биологического наследия, и объяснять нужно то, как при различных обстоятельствах выражается агрессия. Тогда становится ясно, что агрессия принимает формы, соответствующие той социальной и политической системе, в которой она происходит.

В малых обществах семейного типа агрессия носит личный характер, она может приводить или не приводить к кровной мести; и вероятно, что войны в том виде, как мы их определяем, редко случались раньше 10 тысяч лет назад [Haas 1996: 1360]. В деревнях с локальными сообществами маленькие группы воинов натравливаются друг на друга; иногда одни группы нападают на другие внутри деревни, раскалывая её. В локальных группах, основанных на кланах³⁵, войны организовываются предводителями и, по меньшей мере частично, регулируются межгрупповыми отношениями коллективности. В вождествах порядок внутри сообщества устанавливает вождь, даруя своим подданным мир, который высоко ценится, но затем он начинает вести ожесточённые и систематические войны против соседних вождеств и государств. Короче говоря, войны являются не единым феноменом, а лишь выражением агрессии, варьирующимся в различных институциональных окружениях.

Мы поймём природу войн тогда, когда объясним уровень социально-политической интеграции, при которой они имеют место. Некая интеграция обеспечивается уже самой войной, но для полного раскрытия причин эволюции общества она требует иных принципов, связанных с управлением, ведущей технологией, торговлей. У такого подхода к пониманию войн есть ещё одно преимущество: вместо того чтобы фокусироваться на войнах только как на насилии и нарушении порядка, мы также уделяем внимание порядкам, с помощью которых люди всегда пытались избежать войн и контролировать их разрушительные последствия [Sponsel 1996]. Если склонность к насилию является частью инструментария человечества, то в него также входят склонность к сотрудничеству, щедрость и доверие. Но поскольку шкала социополитической интеграции подвержена изменениям, в эволюции человеческих обществ оба потенциала реализовались различно.

Теории экономической мотивации

Так исторически сложилось, что, работая большую часть времени независимо от эволюционистов, экономические антропологи меньше интересовались объяснением долговременных моделей изменений, чем экономической мотивацией индивидов в культурно многообразных сообществах. В западной научной мысли рубежа XIX–XX веков сложилась тенденция признавать (эксплицитно), что поведение индивидов мотивируется их собственной экономической выгодой и (имплицитно) эта их собственная выгода состоит в основном в приобретении материального богатства. Хотя теоретики-экономисты не говорили прямо, что люди просто хотят разбогатеть, их методологический акцент на том, как фирмы максимально увеличивают прибыль, сделал страсть к приобретению и прибыль основой имплицитной теории.

Экономическая антропология

Особый подход антропологов к экономике обозначился в процессе определения экономической теории как рационалистической, материалистической и этноцентричной. Жители Запада по своим ценно-

³⁵ *Clan* (англ.) — клан; форма социальной организации (у шотландцев и ирландцев). Ранние британские эволюционисты, а вместе с ними и Л. Морган, сделали это слово термином, обозначающим все аналогичные проявления социальной организации, известные по всему миру. Сейчас в мейнстриме западной антропологии наблюдается возврат к сужению области применения этого термина. .

стям — убеждённые материалисты, в то время как для многих народов мира материальное богатство менее значимо, чем, в частности, социальные отношения и престиж, и они поощряют принесение в жертву личного богатства для достижения социально и культурно значимых целей. Начало этой антропологической критики общепринятой экономии положил Малиновский³⁶, который с помощью своего классического анализа обычая кула у тробрианцев (случай 12) подготовил платформу для основательных дебатов, так или иначе продолжающихся по сей день [Malinowski 1922; Малиновский 2004].

Поначалу дебаты касались в основном этноцентризма, и антропологическим решением стал релятивизм, подобный боасовской программе: экономическое поведение индивида мотивировано главным образом ценностями, которые определяются не его собственной материальной выгодой, а социальной и культурной матрицей верований и обязательств. Насколько различаются культурные сообщества, настолько несходны и экономические мотивации их членов.

Субстантивизм. Благодаря усилиям Поланьи³⁷ антропологическая критика выкристаллизовалась в «субстантивную экономию»³⁸, в которой он видел антитезу общепринятой экономии [Polanyi 1957]. Отбрасывая материальные потребности в качестве основы экономической мотивации, Поланьи определял экономику³⁹ как «установленный (кем-то) процесс» структурирования экономического поведения социальными законами. Например, в крестьянских обществах (см. раздел 13) община часто требует от людей устраивать расточительные церемониальные пиры, и у селян нет другого выбора, кроме как уступить, как бы сильно они ни возмущались дороговизной этих мероприятий. В таких случаях «экономика внедрена в общество», и не так важно, чего желает отдельный индивид.

В одном из своих самых важных трудов Поланьи доказал, что способ обмена товарами и услугами в обществе может быть установлен тремя различными в своей основе путями. При педипрокации⁴⁰ индивиды (или группы), приблизительно одинаковые по положению, вовлечены в обычный обмен дарами и равноценными отдами даров по прошествии определённого времени; это характерная модель меновых отношений, типичная для семейств, линиджей⁴¹, деревень и многих других малых социаль-

³⁶ Бронислав Малиновский (1884–1942) — классик британской и мировой антропологии. Родился в Кракове (на территории Австро-Венгрии), учился там же, затем — в Лейпциге, в Лондонской школе экономики, где впоследствии работал до своего окончательного переезда в США (там преподавал в Йельском университете). Вдохновитель так называемого функционалистского течения и антиэволюционист. Вошёл в историю науки также благодаря своему призыву всем «сойти с веранды», то есть активно заняться полевыми исследованиями, которые сам он в годы Первой мировой войны проводил на островах Тробриан с помощью разработанного им же метода включённого наблюдения (*participant observation*), ныне считающегося образцовым. Подробнее о результатах этих его исследований говорится в разделе 10.

³⁷ Карл Пауль Поланьи (1886–1964) — выходец из Австро-Венгрии; философ и юрист по образованию; окончил докторантуру по обеим специальностям в Будапештском университете (1908, 1912); работал журналистом в Вене и Лондоне, переехал в США и стал преподавать в Беннингтонском колледже (Вермонт) и Колумбийском университете (Нью-Йорк). В конце концов, из-за визовых трудностей у жены (Илона Душинска, бывшая коммунистка) поселился в Канаде. Основатель субстантивизма, объясняющего экономику через культуру, а не через «естественные законы», что с восторгом было принято антропологами и социологами, уже давно подступавшимися к подобному объяснению, но по-прежнему в основном скептически — экономистами. Как видно из последующего текста, А. Джонсон и Т. Эрл также не являются субстантивистами. Взгляды К. Поланьи рассматриваются в разделе 14 данной книги.

³⁸ От *англ. substantive* — касающийся сущности, сущностный, то есть сущностная экономика.

³⁹ *Economy* (*англ.*) — экономика, объект изучения экономистов.

⁴⁰ *Reciprocity* (*англ.*) — взаимобмен.

⁴¹ *Lineage* (*англ.*) — потомки, родословие. В советское время могло переводиться как патронимия (термин, предложенный ещё В. Г. Богоразом) или просто родственная группа. Термин «линидж» также известен отечественной науке, но применяется куда реже, однако он предпочтительнее, поскольку уводит читателя от нашей недавней тенденции признавать род универсальной формой социальной структуры в прошлом (в первобытнообщинную формацию). По этой же причине мы везде оставляем при переводе «клан» (*англ. clan*), не используя «род».

ных групп. Редистрибуция⁴² — по сути, иерархическое движение товаров к центру, где их контролирует и затем перераспределяет центральная власть; типичными примерами являются пиры и обмены подарками в некоторых сообществах с бигменами или в таких более крупных централизованных обществах, как вождества (см. разделы 7, 9), а также большинство современных государств. Собственно рыночный обмен — это обмен, при котором движение товаров и услуг в режиме спроса и предложения управляется рынком; типичный пример — современная рыночная экономика (раздел 14). Одной из главных целей Поланьи было привлечь внимание к ограниченности меновых распределительных отношений типа экономической сделки, дабы преодолеть этноцентричную тенденцию претендовать на то, что наш современный способ экономической жизни, как описывает его экономическая теория, некоторым образом естествен, неизбежен и универсален.

Полезным следствием выработки субстантивистской точки зрения было то, что теперь стало очевидно: этноцентризм экономических идей XIX века влечёт за собой два допущения, которые необязательно связывать друг с другом: во-первых, экономическое поведение рационально, и, во-вторых, оно мотивировано собственной материальной выгодой.

Формализм. Соображение о том, что экономическое поведение — это результат принятия рационального решения, которое Поланьи назвал «формальной экономией» (следуя за Вебером⁴³ [Weber 1947: 184–186]), просто подтверждает общепринятое положение о том, что личность «распределяет все свои ресурсы так, чтобы достичь максимума удовлетворения» [Goodfellow 1968 (1939): 60]. Это предельное допущение господствующей теории экономики (а также «установка на оптимизацию», или «минимально удовлетворяющие показатели») заключается в том, что у всех людей имеются критерии, с помощью которых они решают, что именно надо делать в любой конкретный момент времени [Burling 1962; LeClair 1962; Homans 1967]. Поланьи, напротив, отрицал, что индивиды, которым противостоит целый спектр экономических возможностей, способны рационально просчитать собственную выгоду. Подобно крестьянам, лицом к лицу столкнувшимся с тем, что община требует от них «щедрости», у них нет выбора, они вынуждены подчиниться социальным ожиданиям, они не выбирают, а следуют правилам [Dalton 1961]: общество устанавливает их экономическую мотивацию.

Формалистский ответ на субстантивистскую критику был незамедлительным. Формалисты просто указали на то, что они не строят предположений, откуда происходит собственная выгода. Для одного выгодным будет копить богатство, чтобы вложить его и получить прибыль, для другого — тратить богатство и влезать в долги, созывая гостей на пир. В любом случае поведение рационально, если достаточно удовлетворяет личность. Фактически в разделе 8 мы исследуем примеры, в которых индивиды поступают в соответствии со своей выгодой, делая и так и так: они скупаются и сберегают, чтобы тратить и влезать в долги, созывая гостей на пир, — всё в надежде на прибыль. Сказать, что экономическое поведение рационально, ещё не значит сказать, что оно соответствует нашим этноцентричным представлениям о разумности. Если мы согласимся с тем, что экономическое поведение — результат решений, то у формализма и субстантивизма не будет необходимости конфликтовать: поведение людей может быть как рациональным (оптимально удовлетворяющим), так и установленным (соответствующим культурным ценностям).

⁴² *Redistribution* (англ.) — перераспределение.

⁴³ Макс Вебер (Максимилиан Карл Эмиль Вебер, 1864–1920) — немецкий учёный; юрист и экономист по образованию, учился в Гейдельбергском, Гёттингенском и Берлинском университетах, получил докторскую степень по юриспруденции (1889); преподавал в Берлинском, Фрайбургском, Гейдельбергском, Венском и Мюнхенском университетах. Сам Вебер считал себя прежде всего историком и экономистом, а затем уже социологом; представлял так называемую Историческую школу экономики; сейчас признаётся классиком мировой социологии. Самый известный его труд — «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), в котором он параллельно с В. Зомбартом представил своего рода антимарксовский манифест, ища истоки капитализма вне экономики, а именно в религии и культуре (Зомбарт видел истоки капитализма в иудаизме). Следуя своей общей методологии так называемой понимающей (*Verstehen*) социологии, определял экономику как рациональную, а её творца — как рационального экономического человека (*Homo economicus*).

Следовательно, формалистская экономия обращает наше внимание на важность выбора в экономическом поведении, но намеренно воздерживается от попыток объяснить мотивацию за пределами экономического поведения. По сути, формалистская экономия не обеспокоена тем, откуда берётся мотивация. Мотивация у людей бывает любой: они могут даже стремиться к боли, а не к удовольствию, предпочитать зло добру, ценить бедность выше богатства. Почему же они предпочитают одно, а не другое? Что бы люди ни делали для получения максимального удовлетворения, это не затрагивает того, чем мотивируется экономическое поведение. Почему *это* удовлетворяет больше, чем *то*? В этом и заключается тот большой вопрос, который требует отдельного решения, или на него нужно ответить прежде, чем проводить формальный анализ рационального принятия решения.

Субстантивистский ответ, заключающийся в том, что экономическое поведение мотивируют ценности, был подходящей перспективой для антропологии. Но он разделил слабость боасовского релятивизма, при котором возможно всё что угодно, и экономическое поведение не должно иметь никакого смысла в какой бы то ни было его форме⁴⁴ — пищевых табу, жестокости первобытных войн, уничтожения богатства во время пиров, «священных коров». Это всего лишь «трудные проблемы культуры», которые мы должны принимать в качестве продуктов спонтанного культурного творчества (ср.: [Harris 1974]). Но многих наблюдателей удивляло, почему некоторые ценности (например, набеги и захват трофеев, носящие обыденный характер) в определённых видах сообществ (например, в племенах) преобладают, а в других (например, среди крестьянства) нет. При этом поиск ответов за пределами исторической случайности уводил их назад, к экономической посылке XIX века о том, что экономическое поведение мотивируется желанием материальных благ, — идее, которая уже подвергалась нападкам со стороны субстантивизма.

Материализм. Хотя субстантивисты и стояли на твёрдых позициях, отрицая то, что поиск прибыли универсально мотивирует людей на манер капиталистической фирмы, фактически они склонялись к более широкому, имплицитно им присущим намерениям, которые уже нелегко было отстоять, — к отрицанию важности биологии человека как источника экономической мотивации. Субстантивисты, очевидно, чувствовали, что ссылаться в объяснениях экономического поведения на зов физических потребностей несовместимо с той аксиомой, что экономика внедрена в общество [Sahlins 1976]. Во время возрождения субстантивизма «структуралисты-марксисты» (*structural Marxists*)⁴⁵ присвоили ярлык «вульгарного марксизма» ссылок на биологическую мотивацию [Friedman 1974]. Фокусируясь на том, как социальная структура определяет экономический процесс [Meillassoux 1972; Godelier 1977; Legros 1977], эти субстантивисты перенаправляли внимание от биологии к культуре, вместо того чтобы исследовать связь между ними.

Не поддаётся сомнению, что, если люди живут, чтобы воспроизводить свой вид (и культуру), они должны быть накормлены, одеты и защищены. Биологи, экологи и психологи, изучающие человека, обеспечили нас разными и непростыми знаниями о мотивации, которые согласуются с биологической эволюцией и адаптацией. Именно здесь использование концепта адаптации Стюарда проложило мост между социальным эволюционизмом и экономической антропологией. Теории социальной эволюции, последовавшие за Стюардом, всё больше согласуются с открытиями в биологии и экологии. К таким материальным источникам экономической мотивации можно подходить с двух позиций, которые, хотя их и рассматривают иногда в качестве конкурирующих объяснений, могут быть лучше поняты как две стороны одной монеты.

⁴⁴ Приходится констатировать, что это большое преувеличение. На самом деле как сам Боас, так и его ученики никогда не упустили возможности интерпретировать те или иные неясные стороны изучаемых ими культур, но делали это очень осторожно.

⁴⁵ Имеется в виду группа последователей Луи Альтюссера (1918–1990), который пытался, будучи членом Коммунистической партии Франции, сочетать марксизм с французским структурализмом К. Леви-Стросса (1908–2009), и др.

Эволюционная биология. Один из возможных подходов — сфокусироваться на том, что многие считают главным источником мотивации у живых организмов, — на влечении к размножению. Эволюционная биология и психология накопили и систематизировали множество сведений об этом вопросе, рассмотрение которого выходит далеко за рамки этой книги [Boyd, Richerson 1985; Tooby, Cosmides 1992; Wright 1994; Ridley 1997]. Однако мы должны вкратце упомянуть о некоторых ключевых сведениях, чтобы полностью были понятны специфические доводы, которые возникнут ниже, в ходе дискуссии вокруг описываемых нами случаев.

1. Мужчинами и женщинами в спаривании и браке преследуются разные цели, подобно различиям между самцами и самками, обнаруживающимся у многих других видов. Мужчины ищут возможности спариться со многими женщинами и стремятся к юным партнёршам, у которых впереди долгое фертильное будущее. Женщины же предпочитают спариваться с мужчиной, который контролирует ресурсы, будет стабильно обеспечивать их как муж и отец её детей. Такие мужчины часто старше по возрасту и обладают высоким политическим статусом.

2. Люди ревнуют своих партнёров, и мужчины особенно склонны быть агрессивными, защищая исключительное право спариваться со своими жёнами.

3. И мужчин, и женщин сильно влечёт к территориям, изобилующим ресурсами; люди способны становиться агрессивными, отстаивая свои исключительные права на территории от внешнего посягательства. Защита территории мужчинами является средством привлечения и удержания женщин в качестве партнёров.

4. Люди знают, кто их ближайшие родственники, и кормят, охраняют и поддерживают их (родственный отбор). Верность, доверие и альтруистическое поведение сильнее всего между близкими родственниками, эти проявления склонны уменьшаться у дальних родственников и исчезать при общении с чужими людьми.

5. Большой мозг у приматов, а особенно выдающийся человеческий мозг, развился, по крайней мере, для того, чтобы хранить и удерживать всесторонние социальные знания, необходимые для выработки сложных умозаключений о межличностных отношениях, чтобы оперировать этими умозаключениями, лежащими в основе доверия и сотрудничества [Dunbar 1996]. Постоянная речевая активность внутри группы устанавливает близость и согласует действия, выступая подобием груминга⁴⁶ человекообразных приматов. Связанная с человеческой речью символическая власть служит для размещения социальных отношений вне биологических границ родственного отбора.

6. В любом сообществе некоторые индивиды, особенно мужчины, добиваются доминирования над другими. Такие выдвиженцы в основном и стремятся принять главные риски физического ущерба при агрессивных утверждениях и защите собственного доминирования [Hayden 1995]. Различия между индивидами в этом отношении способны объяснить, почему у некоторых индивидов стремление к иерархии оказывается более выраженным, чем у других.

7. Обман и мошенничество в социальных интеракциях подрывают усилия по организации кооперации для обоюдной пользы. Обманщиков, или «безбилетников»⁴⁷, необходимо контролировать с помощью скооперировавшихся членов сообщества, в противном случае преимущества от такой кооперации исчезнут.

⁴⁶ *Grooming* (англ.) — приведение в надлежащий вид; вычёсывание или обыскивание; форма ритуального поведения у обезьян со значением заботы, уважения.

⁴⁷ *Free-riders* (англ.) — букв.: ездящие бесплатно.

8. Человеческие существа «появляются на свет, вооружённые предрасположенностью к тому, чтобы научиться кооперироваться, отсеивать заслуживающих доверия от склонных к предательству, принимать на себя обязательства быть достойным, зарабатывать хорошую репутацию, обмениваться товарами и информацией и разделять трудовые обязанности» [Ridley 1997: 249].

9. Люди приобретают новые навыки поведения, подражая по большей части тем, кто явно успешен, — сначала родителям, а позже членам своего сообщества с высоким рангом. В этих случаях экономическое поведение определяется не рациональным выбором, а имитацией поведения других.

Мы увидим, что поведение, которое будем описывать, рассматривая случаи, приведённые в таблице 1, редко противоречит этим базовым принципам. Но на основе одних лишь принципов и именно потому, что они ключевые и более или менее универсальные, мы не можем понять отличия, существующие на уровне паттернов, которые встречаются в человеческих обществах разных типов. Человеческая природа как раз и отличается приспособляемостью к различным обстоятельствам. Для объяснения этих различий в человеческом поведении нам понадобится теория, заключающая паттерны адаптации, характерные для определённых сочетаний населения, окружающей среды и технологии.

Экология человека

Несмотря на сомнения в отношении универсальности рационального выбора, многие адаптивные виды поведения ясно отражают расчёты издержек и выгод от альтернативных стратегий. В экологии человека акцент у биологической перспективы смещается с воспроизводства (индивид как носитель генов для передачи их от одного поколения другому) на здоровье и благополучие самого этого носителя (то есть индивида). Оба подхода дополняют друг друга, ибо если индивиды должны размножаться, то им надо дожить до репродуктивного возраста в приемлемом состоянии здоровья и оставаться здоровыми, чтобы суметь прокормить своё потомство, пока оно не сможет жить самостоятельно.

С точки зрения экологии человека в центре экономической мотивации стоит вопрос здоровья и безопасности. Всё начинается с того, что должны быть гарантированы постоянный приток пищи и защита от опасностей — болезней, хищников, сурового климата, врагов. Индивидам и первичным ячейкам, составленным из них⁴⁸, требуется доступ к базе ресурсов и к технологиям для их эксплуатирования. Индивиды являются членами социальных групп, делающих возможным постоянный приток пищи и защиту от опасностей, и, чтобы получать от общества выгоды, включая защиту от опасностей, соглашаются с тем, что на их поведение накладываются определённые ограничения. Но при определённых обстоятельствах ограничения могут включать требования участвовать в событиях ритуального характера, делиться богатством через общинные перераспределения и выполнять приказы властей. Таким образом, в материалистическом фокусе экологической перспективы находятся не только продукты питания, убежище и защита, но и весь социальный и культурный мир, где существует множество адаптивных решений тех проблем, с которыми сталкиваются индивиды в стремлении к здоровью и безопасности.

Этот набор социокультурных средств решения проблем адаптации относится к «ядру культуры», как его называл Стюард [Steward 1955: 37]. В своей книге мы использовали перечень содержимого «ядра культуры», чтобы определиться с выбором тем для рассмотрения при разборе следующих случаев:

- окружающая среда;
- население;
- технология;

⁴⁸ *Their core groups* (англ.) — букв.: их ядерным группам.

- социальная организация производства;
- территориальность и (или) войны;
- политическая интеграция;
- расслоение;
- священное⁴⁹.

Каждое сообщество людей существует в среде, состоящей из возможностей и ограничений, и оснащено технологией для удовлетворения своих основных потребностей. Этому процессу свойственна социальная организация производства, которая характеризуется разделением труда и практиками получения, хранения, изменения ресурсов и наделения ими. Для получения доступа к ресурсам необходимы конкуренция и решение проблемы. Все эти элементы по возрастающей — технология, социальная организация производства и конкуренция — относятся к системам лидерства и неравенства. И на всех уровнях адаптивные практики и институты освящены ритуалами, табу и другими средствами, внушающими ужас и трепет и предназначенными для того, чтобы паттерны поведения оставались стабильными.

Экономика жизнеобеспечения и политическая экономика

В соответствии с нашим материалистическим, экологическим подходом мы определяем экономику как способ удовлетворения людьми основных потребностей и обеспечения ими своего существования с помощью материальных средств. Экономика включает производство и распределение пищи, технологий и других материальных товаров, необходимых для выживания и воспроизводства человеческих существ и социальных институтов, от которых зависит их выживание. Будем ли мы исследовать то, как домохозяйства поддерживают жизнеобеспечение, или то, как финансируются более крупные институты, проблема материального обеспечения в любом случае является основной.

Наше определение экономики близко понятию «ниша» у экологов или способу, благодаря которому население извлекает из среды обитания необходимые вещество и энергию [Odum 1971]. Оно также похоже на субстантивистское понимание экономики как «взаимообмена человека с его природной и социальной средой настолько, насколько те являются результатами в обеспечении его средствами удовлетворения материальной необходимости» [Polanyi 1957: 243]. Однако, в отличие от субстантивистов, мы видим, что экономическая мотивация, или то, что Поланьи называет «удовлетворением материальной необходимости», проистекает главным образом из основных (биологических) потребностей (хотя мы признаём, что культурные ценности трудно отделимы от них и часто с ними совпадают).

Аналитически экономика может быть разделена на экономику жизнеобеспечения и политическую экономику⁵⁰. Показатели их исходной динамики различаются, и области аналитической экономики совершенно по-разному влияют на социальную эволюцию.

Экономика жизнеобеспечения. Локус (место), в котором начинают удовлетворяться основные потребности, относится к экономике жизнеобеспечения, которая, по сути, является экономикой домохозяйства. Она организована на уровне домохозяйства, чтобы удовлетворять потребности в пище, одежде, жилище, защите и технологии приобретения. Простейшая форма экономики жизнеобеспечения — «домашний способ производства» [Sahlins 1972; Салинз 1999]. В этой модели каждое домохозяйство

⁴⁹ Здесь и в других подобных случаях авторы употребляют термин *sanctity* (святость) вместо (сакральное), распространившийся в гуманитарных науках после работ Э. Дюркгейма, очевидно, в попытке избежать возможных дополнительных коннотаций.

⁵⁰ Как явствует из текста, авторы вкладывают в понятие «политическая экономика» нечто отличное от марксистского понимания, несмотря на внешнее сходство в терминологии. Прежде всего, для авторов политическая экономика — сама область экономики, детерминированная политикой, а не изучающая её дисциплина. — *Примеч. ред.*

принимается за подобное и самодостаточное, производящее всё, что ему нужно, и заключающее разделение труда по возрасту и полу.

Совмещение фокуса экологии человека на выполнении основных потребностей с формалистским акцентом на рациональное принятие решений образует нашу перспективу, которая заключается в том, что природа экономики жизнеобеспечения определяется потребностями населения и расходом добываемых необходимых ресурсов (см. [Earle 1980]). Теоретически не производится излишков свыше запаса надёжности, то есть свыше того, что может понадобиться, если дела пойдут плохо. И самой главной целью является удовлетворение потребностей домохозяйства при предельно низких, но гарантирующих уверенность и стабильность затратах.

Чтобы справиться с этой задачей, семьи отбирают среди потенциальных стратегий приобретения такие, которые кажутся им наиболее подходящими для добывания из окружающей среды пищи или других продуктов. Следуя закону убывающей отдачи, для любой данной стратегии издержки производства пищи имеют тенденцию к росту по мере усиления самой стратегии: поскольку охотники убивают больше оленей, оленей остаётся меньше и трудности при охоте на них возрастают. Когда сообщество впервые вступает на девственную территорию, доступные стратегии добывания пищи различаются по своим первоначальным затратам. Например, может быть так, что дешевле получать хорошее питание, охотясь на оленей, чем собирая семена и насекомых. Но со временем, когда олени почти истреблены, они встречаются реже и становятся более дорогой добычей. Тогда добавляются другие стратегии, такие как собирание семян или насекомых, поскольку затраты на них уже сопоставимы с возросшими затратами охоты на оленей. Таким образом, количество стратегий, используемых добытчиками при получении пищи, имеет тенденцию увеличиваться со временем их обитания в данной местности.

Два ключевых следствия для экономики жизнеобеспечения связаны с ростом населения: поскольку растущее число людей истощает ресурсы, они должны (а) обратиться к менее желательным и более затратным альтернативам и (б) улучшить продуктивность, развивая новую технологию и преобразуя окружающую среду (например, развивать земледелие). Локальные попытки улучшить образ жизни через расширение ресурсов открывают большой потенциал для роста, однако население быстро исчерпывает все новые возможности, и опять требуются изменения. Цикл продолжается и по сей день, пока среда, которую всё сильнее преобразовывают люди, поддерживает их число, толкая к некоторому неизвестному максимуму.

Эта логика проистекает из формальной экономии (см. [Earle 1980]) и из наблюдения за процессом добывания в популяциях животных [Pianka 1974; Winterhalder, Smith 1981]. Экономика жизнеобеспечения стремится не увеличить количество продукции, а минимизировать усилия, которые затрачиваются на удовлетворение потребностей домохозяйства. Для домохозяйств региона затраты на приобретение минимизируются с помощью специфического сочетания стратегий, находящихся на одном и том же уровне затрат. Такое сочетание будет оставаться прочным до тех пор, пока изменения населения, технологии или окружающей среды не нарушат его. Один из примеров таких изменений — постепенно расширяющийся пищевой рацион народов доисторического мира по мере заполнения территории охотниками и собирателями.

Рост экономики жизнеобеспечения есть результат позитивной обратной связи между увеличением населения и технологическим развитием (см. [Wilkinson 1973]). Как было видно из уравнения Судного дня, в технологически простых обществах рост населения часто шёл очень медленно, но по прошествии веков его темп повсеместно резко увеличился [Taagarera 1981]. По мере роста населения расширяются всеобщие потребности. Наличие же ресурсов, поддерживающих население, определяется средой и используемыми технологиями.

Хотя мы и склонны думать об окружающей среде как о константе, тем не менее чем больше изучаем историю, тем внимательнее смотрим на среду как на продукт человеческой деятельности. Леса расчищены, возделаны поля, выкопаны ирригационные каналы, трансформированы ресурсы. Люди активнее вовлечены в управление природными процессами, и это требует всё большего труда. Обратная связь между ростом населения и технологическим развитием сильнее изменяет окружающую среду способами, которые ограничивают человеческий выбор. Обычный выход — привязать людей к их земле и тщательно управлять ею.

Политическая экономика. Обоснованность биологической теории экономической мотивации достаточно чётко видна там, где обнаруживается экономика жизнеобеспечения, восходящая к малым семейным домохозяйствам и обеспечению основных потребностей. Люди в своём экономическом поведении каждый день выходят за эти узкие границы жизнеобеспечения. Как и субстантивисты, структуралисты-марксисты делают особый акцент на том, как собственность на средства производства (земля, труд и капитал) определяет поток товаров и поддерживает существующие отношения с властью [Earle 1997]. На первый взгляд их утверждение о том, что политический контроль является ключевым элементом структуры общества, уводит нас далеко от темы удовлетворения основных потребностей. На самом же деле это предполагает возможность того, как это видел Фрид, что процесс удовлетворения материальной необходимости в экономике жизнеобеспечения присваивается властью, пекущейся только о собственных интересах, и поддерживается элитой, действующей с помощью манипуляций.

Понимание особой природы политической экономики позволяет нам заполнить этот явный пробел между экономикой жизнеобеспечения и властью элит. Появление в ходе человеческой эволюции способности к культуре предоставило решение для фундаментальных проблем, заложенных в экономике жизнеобеспечения. Как только ландшафты, которые заняли люди (или первоначально предки человека), становились перенаселёнными, постоянно сохраняющийся потенциал для агрессивной конкуренции за самые желаемые ресурсы приводил к конфликту, изгнанию и даже смерти в той же мере, в какой это наблюдается сегодня среди групп приматов [Manson, Wrangham 1991]. Внутри родственной семейной группы, или экономики жизнеобеспечения, известная доля семейного чувства, биологически обусловленного (как предполагает теория родственного отбора), но усиленного мириадами незначительных взаимодействий, могла бы минимизировать подобную конкуренцию и способствовать примирению после эпизодов насилия [Waal 1996]. Но в отношениях с дальними родственниками и чужаками, семейное чувство к которым выражено слабо или вовсе отсутствует, проблемы регулирования разрушительной конкуренции огромны, и мы оказываемся в ситуации, названной Томасом Гоббсом войной всех против всех.

Способность к культуре делает возможным новое сильное и убедительное решение дилеммы, связанной с конкуренцией в процессе жизнеобеспечения. Через символические средства, закодированные в виде правил надлежащего поведения, воплощённые в идентичностях линиджа и клана, фиктивного родства и этнической общности и эмоционально коренящиеся в страхе (священном), люди способны общаться с дальними родственниками и чужаками с уважением или заботой в той же мере, что и с близкими родственниками. Существуют правила, требующие от кунг (см. раздел 3) просить разрешения выпить воды из источника, принадлежащего другой группе, и от эскимосов (см. раздел 7) просить разрешения поохотиться на чужом участке, даже если принимающая группа в обоих случаях тоже связана правилом обязательно давать разрешение.

Важным примером того, каким способом деструктивный потенциал экономики жизнеобеспечения разрешается в политической экономике, является то, что Хардин назвал трагедией общественного достояния [Hardin 1968]. У Хардина классический случай проблем, которые возникают, когда чужаки стремятся эксплуатировать одни и те же ресурсы, касается пастухов, использующих общее пастбище.

Если один добросовестный скотовод хочет сохранить пастбище жизнеспособным, ограничивая время выпаса для своего стада, другой может просто присвоить возможность дополнительного выпаса для собственного стада. Таким образом, самоограничение «хорошего» скотовода работает ему во вред, а жадность «плохого» ведёт к сиюминутной выгоде. В конечном же счёте из-за избыточного выпаса пастбище приходит в негодность и все скотоводы проигрывают. Интуиция подсказывает ещё один пример того же свойства, понятный водителю на автостраде, который пытается соблюдать безопасную скорость и безопасную дистанцию лишь затем, чтобы эгоистичные водители бесшабашно его обгоняли или подрезали спереди, создавая для всех водителей условия перегруженности и опасности.

Единственным практическим решением является соблюдение членами группы кодекса поведения, который действует для всех и защищает общие ресурсы. Нарушители кодекса («паразиты», или «безбилетники») должны быть наказаны. И только совершенствуя политические институты и правила в целях контроля «безбилетников», сообщества большие, чем малые семейные группы, могут удержаться в конкурентной среде. Любую экономику, имеющую такие институты и правила, мы будем называть политической экономикой. Существовая для того, чтобы решить экономические проблемы отдельных семей, то есть проблемы экономики жизнеобеспечения, политическая экономия создаёт новые формы социальной усложнённости, которые обретают собственную жизнь.

Политическая экономика внедряет обмен товарами и услугами в общество, объединившее связанные между собой семьи. Все общества обладают политической экономикой, по меньшей мере рудиментарной, ввиду того что семьи не могут быть полностью самодостаточными, будучи связанными потребностями в защите, партнёрстве и торговле. Более сложной политическая экономика становится в процессе социальной эволюции. В то время как экономика жизнеобеспечения, возникающая на базе домохозяйства, остаётся удивительно стабильной и преемственной, динамика политической экономики приводит к разительным изменениям в её природе. По мере того как это происходит, политическая экономика начинает пускать в ход излишки (или налог) экономики жизнеобеспечения. Эти излишки используются для финансирования социальных, политических и религиозных институтов, которые в своих наиболее разработанных формах возглавляются теми, кто не производит пищу. В свою очередь, упомянутые институты существуют, чтобы поддерживать и оправдывать права элиты на производительные ресурсы региона и особенно на лучшие сельскохозяйственные земли.

Возможно, наиболее важное различие между политической экономикой и экономикой жизнеобеспечения наблюдается в степени их рациональности и в динамике. Экономика жизнеобеспечения приспособлена для удовлетворения потребностей домохозяйств: если ключевые переменные жизнеобеспечения (население, технология и окружающая среда) сохраняют постоянство, она стабильна в своей основе. Политическая экономика, наоборот, приспособлена к увеличению объёмов производства в пользу правящей элиты, то есть ориентирована на развитие в высококонкурентной политической зоне и не стабильна в своей основе.

Элиты удерживают свои позиции и доходы силой, противостоя попыткам других претендентов прибрать себе сферы экономического контроля. Сила, в свою очередь, зависит от максимального увеличения доходов с помощью инвестирования в прибыльные проекты. В самом деле, чтобы играть по своим правилам, элиты должны большую часть дохода от капиталовложений изымать для будущих капиталовложений. Политическая экономика растёт за счёт позитивной обратной связи между капиталовложением и увеличивающимся доходом.

Она будет расти, пока не подвергнется сдерживанию факторов, вызывающих спад прибыли. В большинстве сложных обществ мы обнаруживаем циклическую модель: политическая экономика расширяется до возможных пределов, обрушивается из-за некоего внутреннего конфликта, а затем начинает

расти снова. Элиты распознают пределы роста и пытаются преодолеть их, вводя значительные усовершенствования. К примеру, на Гавайях (см. раздел 11), вожди, соревнуясь за контроль над островным населением, вкладывали средства в такие усовершенствования, как рыбные пруды, ирригационные системы и мелиорация земель, для увеличения своих доходов, а с ними и военной мощи. В Дании, напротив, в бронзовом веке (1700–700 гг. до н.э.) местные лидеры практиковали разведение скота в качестве объекта торговли, однако интенсификация ввергла регион в деградацию и привела к упадку этой отрасли по мере постепенного превращения лугов в неплодородные пустоши и вытеснения песками сельскохозяйственных угодий [Earle 1997].

Социальная эволюция как политическая экология

Мы использовали адаптивистский подход Стюарда, чтобы установить мост между социальным эволюционизмом и экономической антропологией, особенно для того, чтобы перевести структуралистско-марксистский акцент на силу и контроль над ресурсами в более общую и в большей степени экологическую концепцию политической экономики как набора решений проблем, возникающих в экономике жизнеобеспечения. Однако нельзя сказать, что объединение экономики жизнеобеспечения и политической экономики само по себе проходит гладко и без противоречий. Конфликт между экономикой жизнеобеспечения и политической экономикой, между потребностями домохозяйств и требованиями политической сферы больше, чем просто аналитический конструкт; он — общее место, и с ним повсюду сталкиваются домохозяева. Военным предводителям знакомы трудности с рекрутированием воинов, организаторы пиров должны умасливать и даже запугивать людей, чтобы те участвовали в поставке продовольствия, правительствам нужно выслеживать и наказывать уклоняющихся от уплаты налогов. Укрывшись в своих жилищах, домохозяева обсуждают требования к ним политической экономики и степень своей готовности выполнить политические обязательства. Решения политической экономики, включая войны, отчуждение излишков, идущих на финансирование капиталовложений отдалившихся элит, и искоренение преступности, могут не нравиться множеству семей, которые пострадали от подобных решений.

Этот потенциал противоречий между экономикой жизнеобеспечения и политической экономикой, то есть динамическое взаимодействие экологии и политики, помогает объяснить ограничения роста политической экономики в любой точке времени. Поскольку политическая экономика финансируется за счёт излишков, полученных от экономики жизнеобеспечения (см. раздел 9), она не может функционировать и тем более расти, пока не будет обеспечено участие в ней семей. Ответ на вопрос эволюционизма о том, что заставляет политическую экономику расти, может быть найден в экономической мотивации: домохозяйство будет участвовать в политической экономике, пока выгоды от участия превышают затраты.

В малочисленных обществах с рассредоточенным населением выгоды от интеграции в более крупные политии невелики, а затраты огромны. По мере роста населения полностью заселяются и заполняются ландшафты, и конкуренция вокруг ресурсов увеличивается. В экономике жизнеобеспечения возникают серьёзные проблемы, и «трагедия общественного достояния» — пример только одной из них. На удерживание популяций в определённых границах начинают работать их инвестиции в собственные земли, а также отсутствие свободы передвижения, так как соседние земли уже тоже заняты людьми, готовыми их защищать [Carneiro 1967: xxxvii; 1970]. Решение проблем жизнеобеспечения все больше требует групповых действий и лидерства — как раз тех условий, которые поощряют введение экономического контроля и экспансию политической экономики.

Предводители, то есть те, кто решает проблемы, управляют экономикой в пользу семей, их выбирающих, увеличивая выгоды от участия в политической экономике по мере роста демографического давления. Другими словами, затраты домохозяйства из-за его неучастия в политической экономике делаются

непосильными: какая семья фермеров на аридных⁵¹ почвах способна отвернуться от элит, которые контролируют воду, получаемую в результате ирригации? Если мы попробуем визуализировать развивающуюся политическую экономику, то её можно уподобить раздуваемому пузырю. Для семей внутри пузыря выгоды от участия в политической экономике превышают затраты; но для тех, кто снаружи, затраты больше выгод.

Поскольку контролировать враждебные популяции, которые не видят для себя выгод от участия в политической экономике, чрезвычайно затратно, элиты не будут без крайней нужды вкладывать средства в военный контроль над удалёнными популяциями. Возьмём в качестве примера государство инков, которое преуспело в объединении оседлых земледельческих общин на полосе Андского нагорья протяжённостью более 2000 миль⁵² с севера на юг, но потерпело крупную неудачу при установлении контроля над рассеянными сёлами и деревушками в прилегающих дождевых лесах Амазонки всего лишь 55 милями восточнее. Как покажет наше обсуждение мачигенга (см. случай 3) и инков (см. случай 16), выгоды и затраты от участия семей в инкской политической экономике весьма различались на нагорье и в дождевых лесах.

Под удалёнными популяциями мы подразумеваем в действительности тех, кто находится вне сулящей выгоду структуры политической экономики (снаружи пузыря), а не тех, кто просто географически удалён от силовых центров. Нет ничего необычного в том, что некие сегменты населения, не извлекающие выгоды от участия в политической экономике, оказываются вне закона (преступниками), хотя и находятся внутри границ политики. В современных урбанистических районах, даже в Вашингтоне (округ Колумбия), на вершине современной мировой державы, существуют преступные группировки, напоминающие такие локальные группы (см. раздел 5) своим политическим и экономическим поведением, которое характеризуется высокой мужской смертностью от случаев насилия, лидерством в малых группах смельчаков-мужчин, вероломными действиями предводителей (иногда занимающихся координацией деятельности своих единомышленников из тюрьмы), а также присущей им жестокой конкуренцией за территорию и ресурсы, сопровождающейся устранением перебежчиков. Хотя такие группы и находятся в государстве, но политически ему не принадлежат. Они живут по большей части вне пузыря. Государство пытается ограничить эффект от их деятельности, дезорганизуя остальную часть общества, но, как это ни удивительно, бессильно установить контроль над их поведением.

Для большинства простых людей варианты выбора полностью ограничены, и остаться вне пузыря политической экономики почти невозможно. Отсутствие выбора является источником контроля, обладатели которого получают власть. До этого момента, и на это указывали Фрид и структуралисты-марксисты, элиты могут использовать свои позиции силы для самовозвеличивания. Политическая экономика, зародившаяся в процессе решения проблем экономики жизнеобеспечения, повышая спектр доминирования и эксплуатации, частично приходит к противостоянию с домохозяйствами, стремящимися к благосостоянию. Экологический процесс экономики жизнеобеспечения адаптивной направленности сталкивается с силовыми мерами политической экономики, приводя к противоречивой и конфликтной политической экологии.

Эволюционный процесс

Эволюция человеческих обществ идёт по восходящей спирали. Как следствие процесса интенсификации — позитивной обратной связи между ростом населения и технологическим развитием, — возникают серьёзные проблемы, которые необходимо решать в случае наращивания процесса интенсификации. Если же этого не делать, то кризис перенаселения может способствовать низкой рождаемости и

⁵¹ От *лат. aridus* — сухой, то есть засушливый, пустынный.

⁵² Миля (уставная, статутная) составляет 1,609 км.

высокой смертности, регулирующих численность населения в соответствии со вместимостью окружающей среды. Чаще всего решения этих проблем лежат в создании или совершенствовании институтов политической экономики, осуществляющих более широкую политико-экономическую интеграцию и поставляющих более сильных лидеров. После того как эти решения проверяются, совершенствуются и становятся частью обыденного опыта, они подготавливают почву для дальнейшей интенсификации и развития политической экономики по восходящей спирали.

На рисунке 3 представлена модель этого повторяющегося процесса социальной эволюции. Хотя интенсификация не является обязательной, чему можно найти примеры, как, скажем, в случае внутриматериковых эскимосов⁵³ (см. случай 6), превосходные технологические усовершенствования которых тысячи лет оказывали лишь незначительное влияние на рост населения, все же археологические и исторические факты на протяжении длительного развития человеческой культуры показывают постоянный и в итоге разительный рост населения по всему миру (см. рис. 1b в кн.: [Coale 1974]). Из-за роста населения экономику жизнеобеспечения необходимо интенсифицировать, чтобы на той же ресурсной базе можно было обеспечить большее число людей. Интенсификация обходится недешево и обычно создаёт четыре рода проблем, относительная важность которых варьируется в зависимости от условий окружающей среды. Это риск производства, набеги и войны, неэффективное использование ресурсов и дефицит ресурсов. Для решения этих проблем, как правило, требуются усиление экономической интеграции сообществ и увеличение могущества лидеров.

Первая проблема — риск производства. По мере того как территории заполняются людьми, быстро истощаются наиболее востребованные источники питания, а менее желанные из них, которые в трудные времена служили резервными запасами на случай голода, становятся частью регулярной диеты. С уменьшением количества резервных запасов пищи в целом риск голода возрастает, и каждое домохозяйство сталкивается с потребностью установить гарантированный нижний предел производства пищи в преддверии возможных скудных месяцев или даже лет (см. выше закон минимума Лейбига). Какие-то из этих проблем домохозяйства могут решать самостоятельно — путём перепроизводства (см. случай 3) или устройства частных хранилищ для продовольствия (см., например, случаи 9, 12). Но в определённый момент для общины становится более действенным выходом делить затраты на поддержание уверенности. Классической формой управления рисками является общинное хранилище для продовольствия; ещё один выход — обоюдный уговор между общинами посещать (и приглашать на пиры) друг друга в голодные времена. Район, где имеется общинное хранилище или устраиваются пиры, может обеспечить большее население, но подобные соглашения предусматривают наличие лидерства и создают возможности для контроля.

Вторая проблема — конкуренция в борьбе за ресурсы. Конкуренция между семьями за обильные ресурсы происходит на всех известных этнографии экономических уровнях. На уровне семьи, характеризующемся низкой плотностью населения и рассредоточенными ресурсами, домохозяйства склонны избегать конкуренции, рассеиваясь, чтобы не становиться на пути друг у друга. Однако с интенсификацией такие ресурсы, как самые богатые плодородные низины, становятся ещё более драгоценными, и облагораживание земель, например посадкой долго плодоносящих деревьев, становится более обычным. Подобное развитие увеличивает выгоды от насильственного захвата такой территории, сопровождающегося относительно небольшими затратами на это насилие. Соответственно возрастает общий уровень насилия в регионе, и малые группы для более эффективной защиты своих ресурсов образуют союзы с другими малыми группами. Эффективная защита также требует большей социальной интеграции и порождает возможности для контроля.

⁵³ *In land Eskimo* (англ.). Имеется в виду одна из групп эскимосов (инуитов) на Аляске; см. раздел 7.

Третья проблема — недостаточное использование ресурсов. Она имеет отношение к таким ресурсам, которые можно использовать только при наличии развитых дорогостоящих технологий. По мере увеличения населения в области, располагающей ресурсами, и существования рисков производства становится выгодным вкладывать средства в технологии, утилизирующие ресурсы, которыми пренебрегали на уровнях с низкой численностью населения. К примеру, умелое применение морских ресурсов может потребовать строительства огромных каноэ или китобойных судов; использование в фермерстве аридных земель — ирригационной системы; далеко на Севере изобилие пищи летом может предотвращать голод зимой, но только при помощи крупномасштабных технологий сбора урожая и его хранения. Такие технологии часто находятся за пределами возможностей одной семьи; они требуют сотрудничества домохозяйств в общине и в какой-то момент попадают под контроль какого-либо владельца.

Четвёртая проблема — истощение местных ресурсов, вызванное ростом населения. Оно может увеличить потребность в товарах, которые не производятся в этой местности, но их можно получить в обмен на местные товары. Торговля способна выровнять сезонный или годовой дефицит продукции; можно увеличить производство пищи, применяя орудия (например, топоры), которые стали доступными в местах, изначально плохо обеспеченных сырьевыми материалами для их производства. При торговле специализированными товарами везде повышается результативность, с которой при ограниченных ресурсах можно обеспечить население, и, таким образом, увеличивается способность поддерживать большее количество населения на той же самой ресурсной базе, что, по сути, и является интенсификацией. Но торговля, особенно при перевозке товара на дальние расстояния, требует знающего своё дело главного торговца, способного принимать решения, обязательные для компании. И это тоже возможность для контроля.

В подобных случаях риску производства противостоят договоры по управлению рисками; конкуренция за ресурсы ведёт к образованию союзов по защите ресурсов; их неэффективное использование выправляют вложения групп в крупномасштабные технологии; дефицит ресурсов покрывается торговлей. Эти ответы на проблемы, возникающие в связи с интенсификацией, только отчасти и в ограниченной степени доступны для отдельных семей. Чтобы справиться с проблемами, требуются более крупные групповые объединения с предводителями во главе, и таковые создаются. Проблемы интенсификации решаются, но на ресурсы неизбежно осуществляется демографическое давление. Технологические ответы непрерывно заявляют о себе, и процесс повторяется по спирали — до появления национального государства.

Эволюционная типология

Эволюционисты XIX века склонялись к классификации эволюционных стадий в терминах развития технологии: «каменный век», «бронзовый век», «железный век»⁵⁴. По мере увеличения знаний об усложнении экономических систем эти технологические ярлыки уступили место таким более общим терминам, как «охотники и собиратели», «садоводы» и «пастухи», которые описывают широкие экономические системы, а не только технологические признаки⁵⁵. Но антропологи больше не довольствуются типологией, сваливающей в одну кучу такие отстоящие друг от друга группы, как кунг и индейцы Северо-Западного побережья («охотники и собиратели»), мачигенга и мэйэнга («садоводы»), туркана и басери («пастухи»).

⁵⁴ Здесь опять следует отменить значительное преувеличение. В действительности такую узкотехнологическую типологию стадий развития человечества мы находим только у Джона Леббока. Интересно, что он тоже археолог, как и один из авторов этой книги (Эрл). Да и сами авторы противоречат этому утверждению (см. выше, раздел «Прогресс», о Моргане, Мэне и др.).

⁵⁵ Действительно, в западной антропологии под «садоводами» (*horticulturalists*) понимаются те, кто технологически занимается разведением и садов, и огородов, а под «охотниками и собирателями» (*hunter-gatherers*) — также рыболовы, причём в каждом случае имеются в виду не столько технологии, сколько особые экономические уклады.

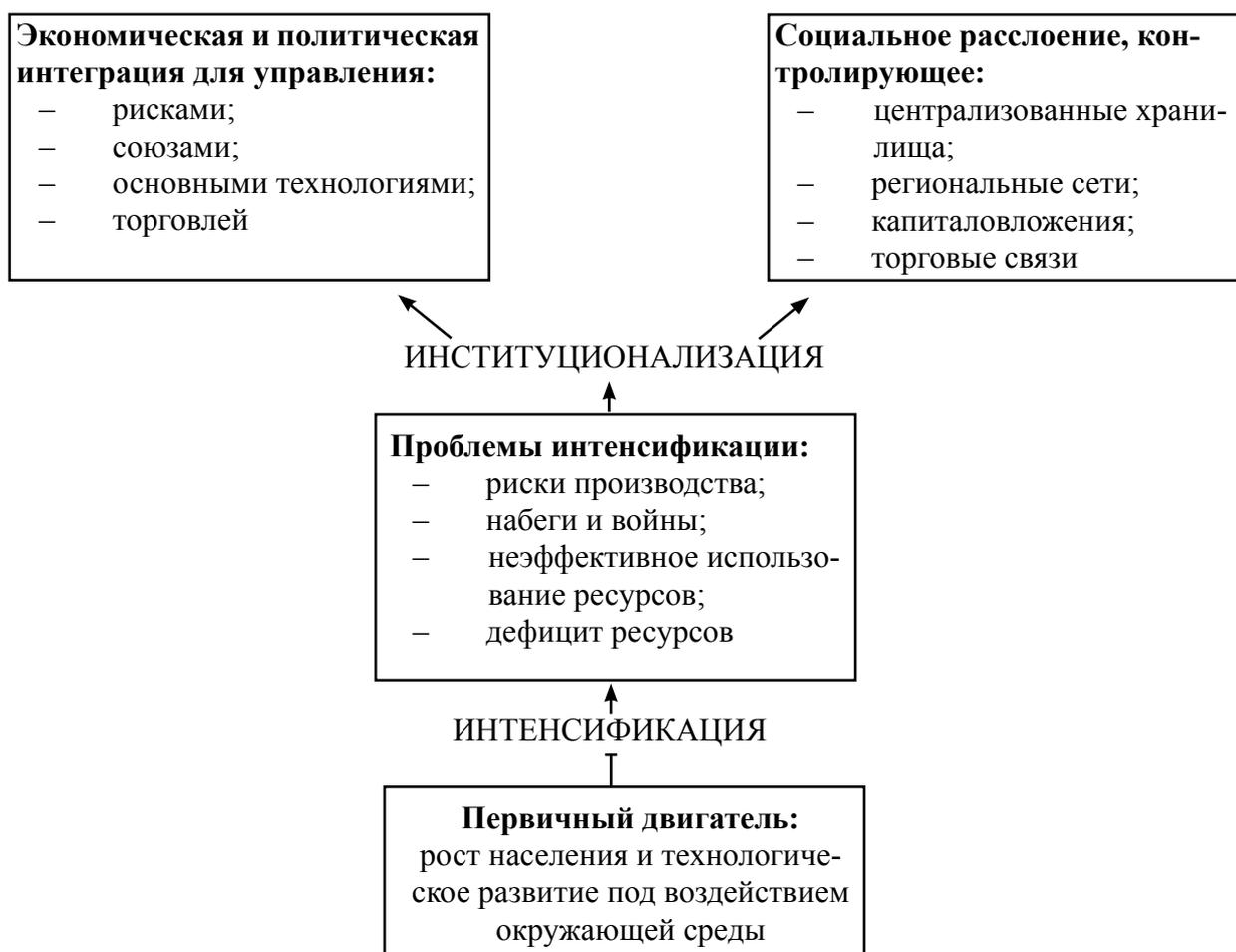

Рис. 3. Модель эволюции человеческих обществ

Вслед за Сервисом [Service 1962] и Фридом [Fried 1967] мы избрали более общие обозначения, основанные на социальной и политической организации экономики. В качестве ориентиров для дискуссии в этой книге мы выделили три главных уровня социоэкономической интеграции: (а) группа на уровне семьи, включающая семью-стойбище (*family/camp*) и семью-село (*family/hamlet*)⁵⁶; (б) локальная группа — как ацефальная (*acephalouslocal group*)⁵⁷, так и с бигменами во главе; (с) региональная политика, включающая вождество и государство.

Группа на уровне семьи. Семейная, или домашняя, группа⁵⁸ является первичной жизнеобеспечивающей группой. Она обладает способностью к значительной самодостаточности, но в те моменты, когда возникают проблемы или появляются возможности, входит в расширенные семейные стойбища либо сёла либо покидает их.

Семья-стойбище характерна для добывающих обществ с низкой плотностью населения (менее одного человека на 10 квадратных миль). Группы из 25–50 человек, проживающие в одном стойбище, обычно формируются, когда ресурсы в высшей степени локализованы или для управления рисками, либо когда для особой деятельности по жизнеобеспечению требуется группа большая, чем отдельная семья. За-

⁵⁶ Разница между обоими типами, очевидно, в степени оседлости.

⁵⁷ В англ. *acephalouslocal group* — букв.: безголовая локальная группа. Здесь и далее авторы вслед за представителями британской функционалистской антропологии употребляют это выражение как термин.

⁵⁸ В оригинале *hearth group* — букв.: группа очага.

тем группа может распасться на небольшие сегменты, образуемые отдельными семьями (пять-восемь человек), независимо эксплуатирующими редкие и рассредоточенные ресурсы. Эти общества характеризуются простым разделением труда по половому признаку. Надсемейное лидерство эфемерно и обусловлено контекстом, так как имеет отношение к экстренным организационным требованиям, таким как, например, охотничья экспедиция, требующая участия большого количества семей. Если отдельное убийство обыденно, то организованная агрессия (войны) — нет. Церемониализм⁵⁹ присутствует только по случаю и развит слабо. Характерными признаками является то, что у стойбища имеется жилое пространство, но нет претензий на ограничение доступа на эту территорию либо оно не очень усиленно защищает её от чужаков.

Семья-село характерна для обществ с несколько более высокой плотностью населения (от одного до двух человек на 10 квадратных миль), в которых семьи объединяются в поселенческие группы или сёла (20–35 человек) на более постоянной основе. Экономика жизнеобеспечения продолжает опираться в большой степени на пищу, полученную в результате добычи диких животных и растений, иногда вкуче с зачатками садоводства и пастушества. Хранилища более распространены. На протяжении года, чтобы эксплуатировать специфические ресурсы, индивиды или семьи перемещаются; селение из года в год образуется заново, а его части, такие как домохозяйства, меняют местоположение, что минимизирует затраты на добывание ресурсов.

Село не образует чётко отграниченной политической группы, и лидерство продолжает обуславливаться контекстом и остаётся минимальным. Церемониализм малоразвит. Как и в случае с семьёй-стойбищем, территория села состоит из незащищённых жилых пространств, а войны не являются чем-то обычным.

Локальная группа. Локальные группы, состоящие из множества семей, в 5–10 раз превышают размер групп, находящихся на уровне семьи; образующим стержнем является некий общий интерес (например, защита или хранилище для пищи). Обычно локальные группы подразделяются в соответствии с линиями родства на корпоративные линиджи или кланы. До некоторой степени зависимые от общих интересов, эти группы представляют собой как ацефальные единицы в размере одной деревни, так и интегрированные региональной сетью обмена большие группы, которые возглавляются бигменами.

Ацефальная группа обычно обнаруживается в обществах с плотностью населения выше, чем один человек на квадратную милю. Её экономика жизнеобеспечения в основном сфокусирована на одомашненных видах ресурсов, хотя в некоторых случаях преобладают ресурсы, полученные из дикой природы, особенно морские. Часто встречающейся моделью расселения является деревня, возможно, из 100–200 человек, подразделяющаяся на сегменты в размере селения на основе кланов или линиджей (то есть по 25–35 человек). Локальная группа образует политическую группу, объединённую ритуально; она может иметь главу; но обычно в результате внутренних разногласий распадается — либо временно, либо с определённой периодичностью — на родственные группировки, которые её в совокупности и составляют. Из-за войн, внутренне присущих этому сообществу, для его безопасности чрезвычайно важны разного рода межобщинные связи, но подобные отношения заключаются, по сути, на личной основе, то есть между отдельными семьями. Церемониализм важен для групп, определяющихся публично, и для взаимоотношений между ними. Ресурсами владеют исключительно родственные группы, но защита территории является общим делом.

⁵⁹ В *англ. ceremonialism*. Несколько необычный термин для отечественной науки, где чаще употребляется *обрядность* как в широком родовом смысле — в качестве системы ритуальных действий и связанных с ними верований вообще (собственно *англ. ceremonialism*), так и в узком — в качестве ритуальной практики в какой-либо из культурных традиций (*англ. rites, rituals*).

Бигмен и межгрупповая форма коллективности, которой он управляет, обнаруживаются в областях с варьирующей, но всё-таки более высокой плотностью населения, в которых войны между территориальными группами традиционно интенсивны. Жизнеобеспечение сфокусировано в значительной степени на земледелии, пастушестве или наиболее производительных природных ресурсах. Локальная община, состоящая, возможно, из 300–500 человек, является территориальным подразделением, обычно включающим сегменты, состоящие из представителей многочисленных кланов или линиджей, которые либо проживают вместе в одной деревне, либо рассеяны по чётко очерченной территории этой группы. Локальную группу представляет бигмен — сильный харизматический лидер, который необходим, чтобы сохранять сплочённость внутри группы и заключать межгрупповые союзы. Бигмен также важен при управлении рисками, торговле и урегулировании внутренних споров, он представляет свою группу на главных церемониях, координирующих и формализующих межгрупповые отношения. Однако его сила зависит от личной предприимчивости; если сторонники покинут его ради соперника, мало что может остаться от репутации, которую он создавал себе и своей локальной группе, как и от тех союзов, которые он заключал.

Региональная полития. Региональные организации возникают из прежде разобщённых локальных групп при условиях, которые мы ещё рассмотрим. В зависимости от масштабов объединения это либо вождества, либо государства.

Вождества развиваются в обществах, которым внутренне присущи межгрупповые войны, но они направлены больше на покорение и включение побеждённых групп, чем на их изгнание с принадлежавших им земель. Экономика жизнеобеспечения подобна той, которая наблюдается в сообществах бигменов, и требует сходного управления. Однако экономические стратегии, особенно ирригационное земледелие и внешняя торговля, обеспечивают возможности элите для инвестирования и контроля, которые используются, чтобы извлекать излишки производства из экономики жизнеобеспечения для финансирования различных операций вождества. По мере того как продолжается региональная интеграция политии, у лидерства на локальном и региональном уровнях появляются чётко определённые должности, и их занимают члены наследственной элиты.

В постоянной погоне за новыми источниками дохода вожди ищут возможность с помощью завоеваний расширить свой контроль над территорией. Здесь обнаруживается типичная циклическая модель, поскольку локальные общины и тысячи людей объединяются под контролем эффективного вождя, но после его смерти снова распадаются на составляющие. Жёсткая конкуренция идёт и внутри вождества за политические посты, и между вождествами за контроль над приносящими доход ресурсами. Церемонии легитимируют и лидерство, и контроль со стороны правящей элиты.

Развитие государств и империй влечёт за собой расширение политического господства на всё большие территории, как правило, с помощью их завоевания. Государства, образованные с помощью завоеваний, способны объединять обширные, исчисляющиеся часто миллионами, популяции, которые различаются этнически и экономически. Как и в вождествах, элиты внимательно управляют экономикой, чтобы максимально получать излишки производства, которые можно перевести в силу власти и с помощью которых можно достичь политического успеха. Как правило, обладание элитой ресурсами и технологиями формализуется в системе узаконенной собственности. Чтобы управлять всё усложняющимися функциями государства, на национальном и региональном уровнях развиваются институты армии, бюрократии и правоохранительной системы. Церемонии отмечают в годовом экономическом цикле значимые фазы и легитимируют неравный для всех доступ к ресурсам.

Из количества в качество: появление новых социальных форм. До сих пор мы делали акцент на постепенном количественном изменении, но в следующих главах мы рассмотрим сложную проблему

качественных изменений при создании новых социальных институтов. Критические изменения в эволюции социального усложнения происходят тогда, когда становится необходимым интегрировать единицы, бывшие прежде автономными или самостоятельными (см.: [Steward 1955]). Как доказывал Сервис [Service 1962], большие социополитические единицы не могут сформироваться, пока не появятся новые интеграционные механизмы, способные воспрепятствовать их сегментации на более мелкие составляющие.

Механически это выглядит так, что новые объединяющие институты, как деревня или вождество, образуются через «повышение» своего статуса [Flannery 1972]: из числа первоначально автономных единиц одна становится господствующей и подчиняет себе другие. К примеру, в Полинезии⁶⁰ один только линидж (локальный) может расширяться с помощью завоеваний и сформировать вождество (региональное). На первых порах вождество, управляемое прежде локальным линиджем, организовывается на принципах родства, но его новые функции как регионального общества неумолимо ведут к изменениям в самом этом способе организации. Формы и институты, основанные на родстве, постепенно уступают место дотолем неизвестным бюрократическим институтам, предназначенным для решения проблем общества, объединённого в более значительной степени.

В прошлом антропологи недостаточно подчёркивали динамическую природу эволюционных изменений, возможно, потому, что удобство «стадиальной» типологии заставляло их задавать простые вопросы о происхождении; например, о причинах эволюции вождеств. Как покажет эта книга, вождества не появились внезапно, и их нельзя рассматривать как прямое следствие какого-то одного условия. Любая подобная сложная социальная форма развивается постепенно, отвечая на количественные изменения переменных — интенсификации, интеграции и расслоение. Новый уровень интеграции может не представлять собой значительного качественного изменения, если интеграция не сопровождается изменениями других переменных; и она бывает настолько слабой, что тут же оборачивается фрагментацией, подобно империи Хэйан в средневековой Японии (см. раздел 12). С нашей точки зрения, важнее понять, как достигается новый уровень интеграции и как он становится стабильным, нежели отвечать на простой вопрос о происхождении; это и будет нашей задачей в настоящей книге.

План книги

Книга разделена на три части, которые соотносятся с тремя предложенными нами главными уровнями в социокультурной интеграции: «Семейная группа», «Локальная группа» и «Региональная политика». В таблице 1 приведены этнографические случаи, вокруг которых будет протекать дискуссия, и уровни интеграции, им соответствующие. Только при тщательном исследовании этих случаев вкупе с имеющимися археологическими свидетельствами о доисторических временах мы, возможно, начнём понимать эволюцию политической экономики. И только так можно будет добиться плодотворного сочетания однолинейной теории универсальных стадий с многолинейной теорией альтернативных линий развития, простирающихся из уникальных условий окружающей среды и истории.

⁶⁰ Полинезия — группа островов в центре Тихого океана, внутри так называемого Полинезийского треугольника, который образуют Гавайи на севере, Новая Зеландия на западе и остров Пасхи на востоке. Коренное население их, в отличие, например, от меланезийцев, состоит из относительно крупных народов, связанных общностью происхождения и языковым родством (гавайцы, тонганцы, самоанцы, маори и др.). В настоящее время там расположены такие государства и территории, как Западное Самоа, Новая Зеландия, Тонга, Тувалу, Французская Полинезия и др. О гавайцах см. раздел 11 этой книги.

Таблица 1

Случаи, рассматриваемые в данной книге

Социоэкономический уровень	Раздел	Случай	Область
Семейная группа:			
– не знакома с domestикацией;	3	1. Шошоны, Большой бассейн 2. Кунг, пустыня Калахари	Северная Америка Африка
– знакома с domestикацией	4	3. Мачигенга, Перуанская Амазония 4. Нганасаны, северная Сибирь	Южная Америка Азия
Локальная группа:			
– ацефальная;	6	5. Яномамо, Венесуэльское нагорье	Южная Америка
	7	6. Эскимосы, северный склон Аляски 7. Тсембагамаринг, Центральная Новая Гвинея	Северная Америка Австралазия
– с бигменом во главе	8	8. Туркана, Кения 9. Индейцы Северо-Западного побережья 10. Центральные энга, горные районы Новой Гвинеи 11. Киргизы, северо-восточный Афганистан	Северная Америка Австралазия Азия
Региональная полития:			
– вождество;	10	12. Тробрианские островитяне	Океания
	11	13. Гавайские островитяне 14. Басери, Иран	Океания Азия
– раннее государство;	12	15. Средневековая Франция и Япония 16. Инкская империя	Европа / Азия Южная Америка
– нация-государство (крестьянская экономика)	13	17. Издольщики Буа-Вентура, северо-восточная Бразилия 18. Крестьяне Дайдоу, северо-восточный Китай 19. Крестьяне Кали-Лоро, центральная Ява	Южная Америка Азия Азия

Литература

Барт Ф. (ред.). 2006. *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий*. М.: Новое издательство.

Бенедикт Р. 1997. Психологические типы в культурах Юго-Запада США. В кн.: *Антология исследований культуры*. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга; 271–284.

Бенедикт Р. 2004. *Хризантема и меч: Модели японской культуры*. М.: РОССПЭН.

Боас Ф. 1976. Методы этнологии. В сб.: *Антология исследований культуры*. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга; 519–527.

- Бозеруп Э. 2004. Рост сельскохозяйственного производства и демографические изменения. В кн.: Итуэлл Дж., Милгейт М., Ньюмен П. (ред.). *Экономическая теория*. СМ.: Инфра-М; 1–18.
- Борофски Р. 1995. Введение к книге «Осмысливая культурную антропологию». *Этнографическое обозрение*. 1: 3–18.
- Карнейро Р. 1999. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства. В кн.: *Альтернативные пути становления цивилизации*. М.: РГГУ; 84–94.
- Крёбер А. Л. 2004. *Избранное: Природа культуры*. М.: РОССПЭН.
- Малиновский Б. 2004. *Избранное. Аргонавты западной части Тихого океана*. М.: РОССПЭН.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1961. *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 21. М.: Политиздат; 28–178.
- Мид М. 1988. *Культура и мир детства*. М.: Наука.
- Мид М. 2004. *Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире*. М.: РОССПЭН.
- Морган Л. Г. 1934. *Древнее общество* (пер. с англ. под ред. М. О. Косвена). Л.: Ин-т народов Севера.
- Мосс М. 1996. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах. В кн.: Мосс М. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии* (пер. с франц. А. Б. Гофмана). М.: Наука; 134–285.
- Мэн Г. С. 1884. *Древний закон и обычай*. М.: Редакция «Юридического вестника».
- Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.
- Салинз М. 1999. *Экономика каменного века*. М.: О.Г.И.
- Эванс-Причард Э. 2003. *История антропологической мысли*. М.: Восточная литература.
- Уайт Л. 2004. *Избранное: Эволюция культуры*. М.: РОССПЭН.
- Arnold J. 1996. Organizational Transformations: Power and Labor among Complex Hunter-Gatherers and Other Intermediate Societies. In: Arnold J. (ed.) *Emergent Complexity: The Evolution of Intermediate Societies*. Ann Arbor, Mich.: International; 59–73.
- Barth F. 1956. Ecological Relationships of Ethnic Groups in Swat, North Pakistan. *American Anthropologist*. 58: 1079–1089.
- Boas F. 1949 (1920). *Methods of Ethnology: Race, Language, and Culture*. New York: Macmillan.
- Boserup E. 1965. *The Conditions of Agricultural Growth*. Chicago: Aldine.
- Boyd R., Richerson P. J. 1985. *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago: University of Chicago Press.

- Burling R. 1962. Maximization Theories and the Study of Economic Anthropology. *American Anthropologist*. 64: 802–821.
- Carneiro R. 1967. *The Evolution of Society: Selections from Herbert Spencer's Principles of Sociology*. Chicago: University of Chicago Press.
- Carneiro R. 1970. A Theory of the Origin of the State. *Science*. 169: 733–738.
- Carneiro R. 1982. Comment on A. Johnson, Reductionism in Cultural Ecology: The Amazon Case. *Current Anthropology*. 23: 413–428.
- Childe V. 1936. *Man Makes Himself*. London: Watts.
- Childe V. 1942. *What Happened in History?* Baltimore: Penguin.
- Childe V. 1951. *Social Evolution*. London: Watts.
- Coale A. 1974. The History of the Human Population. *Science*. 231(3): 40–51.
- Cohen M. 1977. *The Food Crisis in Prehistory*. New Haven: Yale University Press.
- Cohen M. 1994. Demographic Expansion: Causes and Consequences. In: Ingold T. (ed.) *Companion Encyclopedia of Anthropology*. London: Routledge; 265–296.
- Dalton G. 1961. Economic Theory and Primitive Society. *American Anthropologist*. 63: 1–25.
- De Sapio R. 1978. *Calculus for the Life Sciences*. San Francisco: W. H. Freeman.
- Doomsday in 2026 A.D. 1960. *Time*. 76 (November 14): 89–90.
- Dunbar R. 1996. *Grooming, Gossip, and the Evolution of Language*. Cambridge: Harvard University Press.
- Earle T. 1980. A Model of Subsistence Change. In: Earle T., Christenson A. (eds) *Modeling Change in Prehistoric Subsistence Economies*. New York: Academic Press; 1–29.
- Earle T. 1997. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Ehrlich P. R. 1968. *The Population Bomb*. New York: Ballantine.
- Ehrlich P. R., Daily G. C., Goulder L. H. 1992. Population Growth, Economic Growth, and Market Economies. *Contention*. 2: 17–33.
- Ehrlich P. R., Ehrlich A. H. 1997. The Population Explosion: Why We Should Care and What We Should Do about It. *Environmental Law*. 27: 1187–1208.
- Engels F. 1972 (1884). *The Origin of the Family, Private Property, and the State*. New York: International Publishers.

- Flannery K. 1972. The Cultural Evolution of Civilizations. *Annual Review of Ecology and Systematics*. 3: 399–426.
- Foerster H. von, Mora P. M., Amiot L. W. 1960. Doomsday: Friday, 13 November, AD. 2026. *Science*. 132: 1291–1295.
- Fried M. 1967. *The Evolution of Political Society*. New York: Random House.
- Friedman J. 1974. Marxism, Structuralism and Vulgar Materialism. *Man*. 9: 444–469.
- Godelier M. 1977. *Perspectives in Marxist Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goodfellow D. 1968 (1939). The Applicability of Economic Theory to So-Called Primitive Communities. In: LeClair E., Schneider H. (eds) *Economic Anthropology*. New York: Holt, Rinehart & Winston; 55–65.
- Haas J. 1996. War. In: *Encyclopedia of Cultural Anthropology*. 4. New York: Henry Holt; 1357–1361.
- Hardesty D. L. 1977. *Ecological Anthropology*. New York: John Wiley and Sons.
- Hardin G. 1968. The Tragedy of the Commons. *Science*. 162: 1243–1248.
- Harris M. 1974. *Cows, Pigs, Wars, and Witches: The Riddles of Culture*. New York: Random House.
- Harris M. 1977. *Cannibals and Kings: The Origins of Cultures*. New York: Random House.
- Harris M., Johnson O. 2000. *Cultural Anthropology*. 5th ed. Boston: Allyn and Bacon.
- Hayden B. 1995. Pathways to Power: Principles for Creating Socioeconomic Inequalities. In: Price T. D., Feinman G. M. (eds) *Foundations of Social Inequality*. New York: Plenum; 15–86.
- Homans G. 1967. *The Nature of Social Science*. New York: Harcourt, Brace.
- Keeley L. 1988. Hunter-Gatherer Economic Complexity and «Population Pressure»: A Cross-Cultural Analysis. *Journal of Anthropological Archaeology*. 7: 373–411.
- Keeley L. 1996. *War before Civilization*. New York: Oxford University Press.
- LeClair E. 1962. Economic Theory and Economic Anthropology. *American Anthropologist*. 64: 1179–1203.
- Legros D. 1977. Chance, Necessity, and Mode of Production: A Marxist Critique of Cultural Evolutionism. *American Anthropologist*. 79: 26–41.
- Linder S. B. 1970. *The Harried Leisure Class*. New York: Columbia University Press.
- Maine H. 1870. *Ancient Law*. London: John Murray.
- Malinowski B. 1922. *Argonauts of the Western Pacific*. New York: Dutton.
- Malthus T. 1798. *An Essay on the Principle of Population*. London: Johnson.

- Manson J. H., Wrangham R. W. 1991. Intergroup Aggression in Chimpanzees and Humans. *Current Anthropology*. 32: 369–390.
- Meillassoux C. 1972. From Reproduction to Production. *Economy and Society*. 1: 93–105.
- Minge-Klevana W. 1980. Does Labor Time Decrease with Industrialization? A Survey of Time-Allocation Studies. *Current Anthropology*. 2i: 279–298.
- Moffat A. S. 1996. Ecologists Look at the Big Picture. *Science*. 273: 1490.
- Morgan L. H. 1877. *Ancient Society*. Chicago: Kerr.
- Odum E. 1971. *Fundamentals of Ecology*. 3d ed. Philadelphia: Saunders.
- Pearl R. 1925. *The Biology of Population Growth*. New York: Alfred A. Knopf.
- Pianka E. 1974. *Evolutionary Biology*. New York: Harper & Row.
- Polanyi K. 1957. The Economy as Instituted Process. In: Polanyi K., Arensberg C., Pearson H (eds) *Trade and Market in the Early Empires*. New York: Free Press; 243–270.
- Population Reference Bureau. 1995. *Speaking Graphically. Population Today*, December, p. 6.
- Read D. 1986. Mathematical Schemata and Archaeological Phenomena: Substantive Representations or Trivial Formalism? *Science and Archaeology*. 38: 16–23.
- Read D. 1998. Kinship Based Demographic Simulation of Societal Processes. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. URL: <http://www.soc.surrey.ac.uk/JASSS/i/i/i.html>
- Ridley M. 1997. A New Synthesis of Middle Paleolithic Variability. *American Antiquity*. 55: 480–499.
- Sackett R. D. 1996. *Time, Energy, and the Indolent Savage: A Quantitative Crosscultural Test of the Primitive Affluence Hypothesis*. PhD dissertation. Department of Anthropology, University of California, Los Angeles.
- Sahlins M. 1963. Poor Man, Rich Man, Big man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies in Society and History*. 5: 285–303.
- Sahlins M. 1972. *Stone Age Economics*. Chicago: Aldine.
- Sahlins M. 1976. *The Use and Abuse of Biology*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Schmeck H. M., Jr. 1960. Physicist Offers a Doomsday Date. *New York Times*. November 4: io.
- Scitovsky T. 1976. *The Joyless Economy*. New York: Oxford University Press.
- Service E. 1962. *Primitive Social Organization*. New York: Random House.
- Sponsel L. E. 1996. The Natural History of Peace: A positive View of Human Nature and Its Potential. In: Gregor T. (ed.) *A Natural History of Peace*. Nashville, TN: Vanderbilt University Press; 95–125

- Steward J. 1955. *Theory of Culture Change*. Urbana: University of Illinois Press.
- Steward J., Faron L. 1959. *Native Peoples of South America*. New York: McGraw Hill.
- Stocking G. W., Jr. 1968. *Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology*. New York: Free Press.
- Taagapera R. 1981. *Super-Cancer of the Biosphere: A World Population Growth Model*. Paper delivered to the Jacob Marschak Interdisciplinary Colloquium on Mathematics in the Behavioral Sciences, University of California, Los Angeles, April 10.
- Tooby J., Cosmides L. 1992. The Psychological Foundations of Culture. In: Barkow J. H., Cosmides L., Tooby J. (eds) *The Adapted Mind*. New York: Oxford University Press; 19–136.
- Umpleby S. A. 1987. World Population: Still Ahead of Schedule. *Science*. 237: 1555–1556.
- United Nations. 1996. *World Population Growth Slowing, but United Nations Still Estimates Total of 9.4 Billion by Year 2050*. News Release, Population Division, Department for Economic and Social Information and Policy Analysis. New York: United Nations.
- Waal F. B. M. de. 1996. The Biological Basis of Peaceful Coexistence: A Review of Reconciliation Research on Monkeys and Apes. In: Gregor T. (ed.) *A Natural History of Peace*. Nashville, TN: Vanderbilt University Press; 37–69.
- Weber M. 1947. *The Theory of Social and Economic Organization*. New York: Free Press.
- White L. 1959. *The Evolution of Culture*. New York: McGraw-Hill.
- Wilkinson R. 1973. *Poverty and Progress: An Ecological Perspective on Economic Development*. New York: Praeger.
- Winterhalder B., Smith E. A. (eds) 1981. *Hunter-Gatherer Foraging Strategies*. Chicago: University of Chicago Press.
- Wright R. 1994. *The Moral Animal: Evolutionary Psychology and Everyday Life*. New York: Random House.

Allen Johnson, Timothy Earle

The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State

JOHNSON, Allen W. — Emeritus
Professor of Anthropology,
Department of Anthropology,
University of California. Address: Los
Angeles, California, CA 90095-1553,
USA.

Email: ajohnson@ucla.edu

EARLE, Timothy — Emeritus
Professor of Anthropology,
Department of Anthropology,
Northwestern University. Address:
1810, Hinman Avenue, Evanston,
Illinois, 60208, USA.

Email: tke299@northwestern.edu

Translated into Russian by I. V. Kuz-
netsova and E. Veremeeva

Edited by O. Maslova-Walter and
M. Mayatsky

interpretation of drastic population growth within a short period. Combining the social evolutionism approach and economic anthropology, T. Earle and A. Johnson explicate why sociocultural evolution is rooted in the social and political organization of the economy.

Keywords: archeology; anthropology; social and cultural evolution; systems theory approach; population growth; technological achievements; economic motivation.

References

- Arnold J. (1996) Organizational Transformations: Power and Labor Among Complex Hunter-Gatherers and Other Intermediate Societies. *Emergent Complexity: The Evolution of Intermediate Societies* (ed. J. Arnold), Ann Arbor, Mich.: International, pp. 59–73.
- Barth F. (1956) Ecological Relationships of Ethnic Groups in Swat, North Pakistan. *American Anthropologist*, vol. 58, no 6, pp. 1079–1089.
- Barth F. (ed.). (2006) *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichiy* [Ethnic Groups and Social Borders. Social Organization of Cultural Differences], Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).

Abstract

Is it appropriate to claim that population growth is caused by improvements in people's standards of living? How can we explain the evolution and growth of the complexity of human societies? The book *The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State* seeks to illuminate these and other questions. The authors have an ambitious aim to formulate integral evolutionary theory suitable to account for the diversity of modern societies. Drawing upon archaeological and historical evidence with a rich body of ethnographic data, including their own fieldwork, T. Earle and A. Johnson present 19 case studies that range widely over time and space. The primary engine for sociocultural evolution is population growth and the associated economic and social changes. The authors argue that society development can be understood through the examination of three connected processes—intensification, integration, and stratification.

Journal of Economic Sociology has published the introductory chapter of the book. In this part of the book, the authors critically revise anthropological theories that explain society development. They reconstruct the logic and point out the limitations of two dominant research lines: linear evolutionary theories and cultural relativism. Other authors describe the Doomsday equation and suggest their in-

- Benedict R. (1997) Psikhologicheskie tipy v kul'turakh Yugo-Zapada SSA [Psychological Types in the Cultures of the Southwest]. *Antologiya issledovaniy kul'tury* [Anthology of Cultural Research]. Vol. 1. Interpretatsiya kul'tury [Interpretation of Culture], St. Petersburg: Universitetskaya kniga, pp. 271–284 (in Russian).
- Benedict R. (2004) Hrizantema i mech: Modeli yaponskoy kul'tury [The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture]. Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Boas F. (1949 [1920]) *Methods of Ethnology: Race, Language, And Culture*. New York: Macmillan; 281–289.
- Boas F. (1976) Metody etnologii [The Methods of Ethnology]. *Antologiya issledovaniy kul'tury* [Anthology of Cultural Studies]. Vol. 1. Interpretatsiya kul'tury [Interpretation of Culture], St Petersburg: Universitetskaia kniga, pp. 519—527 (in Russian).
- Borofsky R. (1995) Vvedenie k knige “Osmyslivaia kulturnuiu antropologiiu” [Introduction to “Reflecting on Cultural Anthropology”], *Etnograficheskoe obozrenie*, vol. 1, pp. 3–18 (in Russian).
- Boserup E. (1965) *The Conditions of Agricultural Growth*, Chicago: Aldine.
- Boyd R., Richerson P. J. (1985) *Culture and the Evolutionary Process*, Chicago: University of Chicago Press.
- Boserup E. (2004) Rost sel'skokhozyaystvennogo proizvodstva i demograficheskie izmeneniya [The Agricultural Growth and Population Change]. *Ekonomicheskaya teoriya SSA* [USA Economic Theory] (eds. J. Eatwell, M. Miltage, P. Newman), Moscow: Infra-M, pp. 1–18.
- Burling R. (1962) Maximization Theories and the Study of Economic Anthropology. *American Anthropologist*, vol. 64, no 4, pp. 802–821.
- Carneiro R. (1967) *The Evolution of Society: Selections from Herbert Spencer's Principles of Sociology*, Chicago: University of Chicago Press.
- Carneiro R. (1970b) A Theory of the Origin of the State. *Science*, vol. 169, pp. 733–738.
- Carneiro R. (1982) Comment on A. Johnson, Reductionism in Cultural Ecology: The Amazon Case. *Current Anthropology*, vol. 23, pp. 413–428.
- Carneiro R. (1999) Protssess ili stadii lozhnaya dikhotomiya v issledovanii istorii vzniknoveniia gosudarstva [Process or Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State]. *Alternativnye puti stanovleniia tsivilizatsii* [Alternative Ways of Civilization Development], Moscow: RGGU (in Russian)
- Childe V. (1936) *Man Makes Himself*, London: Watts.
- Childe V. (1942) *What Happened in History?* Baltimore: Penguin.
- Childe V. (1951) *Social Evolution*, London: Watts.
- Coale A. (1974) The History of the Human Population. *Science*, vol. 231, no 3, pp. 40–51.

- Cohen M. (1977) *The Food Crisis in Prehistory*, New Haven: Yale University Press.
- Cohen M. (1994) Demographic Expansion: Causes and Consequences. *Companion Encyclopedia of Anthropology* (ed. T. Ingold), London: Routledge, pp. 265–296 .
- Dalton G. (1961) Economic Theory and Primitive Society. *American Anthropologist*, vol. 63, no 1, pp. 1–25.
- De Sapio R. (1978) *Calculus for the Life Sciences*, San Francisco: W. H. Freeman.
- Doomsday in 2026 A. D. (1960) *Time*, vol. 76, no 20, November 14, pp. 89–90.
- Dunbar R. (1996) *Grooming, Gossip, and the Evolution of Language*. Cambridge: Harvard University Press.
- Earle T. (1980) A Model of Subsistence Change. *Modeling Change in Prehistoric Subsistence Economies* (eds. T. Earle, A. Christenson), New York: Academic Press, pp. 1–29.
- Earle T. (1997) *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*, Stanford, CA.: Stanford University Press.
- Ehrlich P. R. (1968) *The Population Bomb*, New York: Ballantine.
- Ehrlich P. R., Daily G. C., Goulder L. H. (1992) Population Growth, Economic Growth, and Market Economies. *Contention*, vol. 2, pp. 17–33.
- Ehrlich P. R., Ehrlich A. H. (1997) The Population Explosion: Why We Should Care and What We Should Do about It. *Environmental Law*, vol. 27, pp.1187–1208.
- Engels F. (1972 [1884]) *The Origin of the Family, Private Property, and the State*, New York: International Publishers.
- Evans-Pritchard E. E. (2003) *Istoriya antropologicheskoy mysli* [History of Anthropological Thought], Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
- Flannery K. (1972) The Cultural Evolution of Civilizations. *Annual Review of Ecology and Systematics*, no 3, pp. 399–426.
- Flannery K. (1972) The Cultural Evolution of Civilizations. *Annual Review of Ecology and Systematics*, no 3, pp. 399–426.
- Foerster H. von, Mora P. M., Amiot L. W. (1960) Doomsday: Friday, 13 November, AD. 2026. *Science*, vol. 132, pp.1291–1295.
- Fried M. (1967) *The Evolution of Political Society*, New York: Random House.
- Friedman J. (1974) Marxism, Structuralism and Vulgar Materialism. *Man*, vol. 9, pp. 444–469.
- Godelier M. (1977) *Perspectives in Marxist Anthropology*, Cambridge: Cambridge University Press.

- Goodfellow D. (1968) The Applicability of Economic Theory to So-Called Primitive Communities. *Economic Anthropology* (eds. E. LeClair, H. Schneider), New York: Holt, Rinehart & Winston, pp. 55–65.
- Haas J. (1996) War. *Encyclopedia of Cultural Anthropology* (eds. M. Ember, D. Levinson), vol. 4, New York: Henry Holt, pp. 1357–1361.
- Hardesty D. L. (1977) *Ecological Anthropology*, New York: John Wiley and Sons.
- Hardin G. (1968) The Tragedy of the Commons. *Science*, vol. 162, pp. 1243–1248.
- Harris M. (1974) *Cows, Pigs, Wars, and Witches: The Riddles of Culture*, New York: Random House.
- Harris M. (1977) *Cannibals and Kings: The Origins of Cultures*, New York: Random House.
- Harris M., Johnson O. (2000) *Cultural Anthropology*. 5th ed, Boston: Allyn and Bacon.
- Hayden B. (1995) Pathways to Power: Principles for Creating Socioeconomic Inequalities. *Foundations of Social Inequality* (eds. T. D. Price, G. M. Feinman), New York: Plenum, pp. 15–86.
- Homans G. (1967) *The Nature of Social Science*, New York: Harcourt, Brace and Company.
- Keeley L. (1988) Hunter-Gatherer Economic Complexity and “Population Pressure”: A Cross-Cultural Analysis. *Journal of Anthropological Archaeology*, vol. 7, no 4, pp. 373–411.
- Keeley L. (1996) *War Before Civilization*. New York: Oxford University Press.
- Kroeber A. L. (2004) *Izbrannoe: Priroda kul'tury* [Selected Works: The Nature of Culture]. Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- LeClair E. (1962) Economic Theory and Economic Anthropology. *American Anthropologist*, vol. 64, no 6, pp. 1179–1203.
- Legros D. (1977) Chance, Necessity, and Mode of Production: A Marxist Critique of Cultural Evolutionism. *American Anthropologist*, vol. 79, no 1, pp. 26–41.
- Linder S. B. (1970) *The Harried Leisure Class*, New York: Columbia University Press.
- Main H. S. (1884) *Drevniy zakon i obychay* [Ancient Law and Custom], Moscow: Izdanie redaktsii Yuridicheskogo Vestnika (in Russian)
- Maine H. (1870) *Ancient Law*, London: John Murray.
- Malinowski B. (1922) *Argonauts of the Western Pacific*, New York: Dutton.
- Malinowski B. (2004a) *Izbrannoe: Argonavty zapadnoi chasti Tikhogo okeana* [Selected: Argonauts of the Western Pacific], Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Malthus T. (1798) *An Essay on the Principle of Population*, London: Johnson.

- Manson J. H., Wrangham R. W. (1991) Intergroup Aggression in Chimpanzees and Humans. *Current Anthropology*, no 32, pp. 369–390.
- Marx K., Engels F. (1961) *Sochineniya* [Collection]. 2nd ed. Vol. 21. Moscow: Politizdat, pp. 28–178 (in Russian).
- Mauss M. (1996) Ocherk o dare. Forma i osnovanie obmena v arkhaiskikh obshchestvakh [The Gift. The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies.]. Mauss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost. Trudy po sotsialnoy antropologii* [Societies. Exchange. Person. Essays in social anthropology], Moscow: “Vostochnaya literatura” RAN, pp. 85–111 (in Russian).
- Mead M. (1988) Kul'tura i mir detstva [Culture and the World of Childhood], Moscow: Nauka (in Russian).
- Mead M. (2004) *Muzhskoe i zhenskoe. Issledovanie polovogo voprosa v menyayushchemsya mire* [Masculine and Feminine. Research on Gender Issues in the Changing World], Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Meillassoux C. (1972) From Reproduction to Production. *Economy and Society* vol. 1, no 1, pp. 93–105.
- Minge-Klevana W. (1980) Does Labor Time Decrease with Industrialization?: A Survey of Time-Allocation Studies. *Current Anthropology*, vol. 21, no 3, pp. 279–298.
- Moffat A. S. (1996) Ecologists Look at the Big Picture. *Science*, vol. 273, no 5281, pp. 1490.
- Morgan L. H. (1877) *Ancient Society*. Chicago: Kerr.
- Morgan L. H. (1934) *Drevnee obshchestvo* [Ancient Society], Leningrad: Institut narodov Severa (in Russian).
- Odum E. (1971) *Fundamentals of Ecology*. 3rd ed., Philadelphia: Saunders.
- Pearl R. (1925) *The Biology of Population Growth*, New York: Alfred A. Knopf.
- Pianka E. (1974) *Evolutionary Biology*, New York: Harper & Row.
- Polanyi K. (1957) The Economy as Instituted Process. *Trade and Market in the Early Empires* (eds. K. Polanyi, C. Arensberg, H. Pearson), New York: Free Press, pp. 243–270.
- Polanyi K. (2002) *Velikaya transformatsiya politicheskie i ehkonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time], St. Petersburg: Aleteyya (in Russian).
- Population Reference Bureau. (1995) *Speaking Graphically. Population Today*, December, p. 6.
- Read D. (1986) Mathematical Schemata and Archaeological Phenomena: Substantive Representations or Trivial Formalism? *Science and Archaeology*, vol. 38, pp. 16–23.
- Read D. (1998) Kinship Based Demographic Simulation of Societal Processes. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, vol. 1, no 1. Available at: <http://www.soc.surrey.ac.uk/JASSS:/i/i/i.html> (accessed 16 November 2016).

- Ridley M. (1997) A New Synthesis of Middle Paleolithic Variability. *American Antiquity*, vol. 55, pp. 480–499.
- Sackett R. D. (1996) *Time, Energy, and the Indolent Savage: A Quantitative Crosscultural Test of the Primitive Affluence Hypothesis* (PhD thesis), Los Angeles: Department of Anthropology, University of California.
- Sahlins M. (1963) Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 5, no 3, pp. 285–303.
- Sahlins M. (1972) *Stone Age Economics*, Chicago: Aldine.
- Sahlins M. (1976) *The Use and Abuse of Biology*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Sahlins M. (1999) *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age Economics], Moscow: O.G.I. (in Russian).
- Schmeck H. M. Jr. (1960) Physicist Offers a Doomsday Date. *New York Times*, November 4, p. 10.
- Scitovsky T. (1976) *The Joyless Economy*, New York: Oxford University Press.
- Service E. (1962) *Primitive Social Organization*, New York: Random House.
- Sponsel L. E. (1996) The Natural History of Peace: A Positive View of Human Nature and its Potential. *A Natural History of Peace* (ed. T. Gregor), Nashville, TN: Vanderbilt University Press, pp. 95–125
- Steward J. (1955) *Theory of Culture Change*, Urbana: University of Illinois Press.
- Steward J., Faron L. (1959) *Native Peoples of South America*, New York: McGraw Hill.
- Stocking G.W., Jr. (1968) *Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology*, New York: Free Press
- Taagapera R. (1981) *Super-Cancer of the Biosphere: A World Population Growth Model*. Paper delivered to the Jacob Marschak Interdisciplinary Colloquium on Mathematics in the Behavioral Sciences, University of California, Los Angeles, April 10.
- Tooby J., Cosmides L. (1992) The Psychological Foundations of Culture. *The Adapted Mind* (eds. J. H. Barkow, L. Cosmides, J. Tooby), New York: Oxford University Press, pp. 19–136.
- Umpleby S. A. (1987) World Population: Still Ahead of Schedule. *Science*, vol. 237, pp. 1555–1556.
- United Nations (1996) *World Population Growth Slowing, but United Nations Still Estimates Total of 9.4 Billion by Year 2050*. News Release, Population Division, Department for Economic and Social Information and Policy Analysis, New York: United Nations.
- Waal F. B. M. de (1996) The Biological Basis of Peaceful Coexistence: A Review of Reconciliation Research on Monkeys and Apes. *A Natural History of Peace* (ed. T. Gregor), Nashville, TN: Vanderbilt University Press, pp. 37–69.
- Weber M. (1947) *The Theory of Social and Economic Organization*, New York: Free Press.

White L. (1959) *The Evolution of Culture*, New York: McGraw-Hill.

White L. (2004) *Izbrannoe: evolyutsiya kultury* [Selected Essays: The Evolution of Culture], Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Wilkinson R. (1973) *Poverty and Progress: An Ecological Perspective on Economic Development*, New York: Praeger.

Winterhalder B., Smith E. A. (eds.) (1981) *Hunter-Gatherer Foraging Strategies*, Chicago: University of Chicago Press.

Wright R. (1994) *The Moral Animal: Evolutionary Psychology and Everyday Life*, New York: Random House.

Received: November 10, 2016.

Citation: Johnson A., Earle T. (2016) Evolyutsiya chelovecheskikh obshchestv. Ot dobyvayushhey obshchiny k agrarnomu gosudarstvu [The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 5, pp. 30–76. Available at <https://ecsoc.hse.ru/2016-17-5.html> (in Russian).